Игорь КУЗНЕЦОВ

РУССКИЕ БЫЛИ И НЕБЫЛИЦЫ

Неведомая Русь

Русские были и небылицы

«ВЕЧЕ»

2016

Русские были и небылицы / «ВЕЧЕ», 2016 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4444-8624-5

Поистине бессмертны жемчужины русской словесности, собранные бережной рукой, они подобны никогда не увядающему чудесному цветку из сказочного Берендеева леса. В книге представлены предания и легенды о древних городах и селах, исчезнувших храмах, о таинственной чуди, горах и курганах, озерах и реках, о богатырях, о знаменитых разбойниках и заклятых кладах, о нечистой силе, ведьмах, колдунах и оборотнях. Весь уникальный материал собран подвижниками русской культуры, писателями и фольклористами XIX и XX веков М. Н. Макаровым и И. П. Сахаровым, М. Ю. Забылиным, П. И. Мельниковым-Печерским, С. В. Максимовым, А. Н. Афанасьевым.

ISBN 978-5-4444-8624-5

, 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Предисловие 8
Памятники путей богатырских 10
Богатырские кости 10
Гаденово озеро 11
Вал половецкий 12
Козинская пустошь 13
Щелканова стоянка 14
Казак Ермачок 15
Голутвинский костыль 16
Пересветов посох 17
Ступня Федора Блудова 18
Плотина царя Бориса 19
Городок Валуева 20
Высокий курган под Каширой 21
Время Батыя 22
Батыева дорога 22
Княгиня Евпраксия 23
Евпатий Коловрат 24
По городам и весям 25
Поклонные горы и красные села 25
Русские слободы и жители слобод 26
Пятница 27
Козье болото в Москве 29
Могила забытого святителя 30
Арбатские ворота 31
Московская приездня 33
Подкремлевский дворец Ивана Грозного 34
Курьи ножки 35
Московский денежный двор 36
Нечистые и проклятые места 37
Село Тайнинское 38
Сказка о Братовщинах 39
Братовщинский дворец 40
Софрино, или Софьино 41
Голыгинская гать 42
Мирской памятник святому Сергию 43
Студенцы 44
Царский колодец 45
Трубеж 46
Город Берендеев 47
Вертязин городец 48
Александровская усыпальня 49
Гробы проклятых 50
Свадебки 51
Три дворца князей Суздальских 52
Терема в Суздале 53

Минино селище 54
От чего прозвалась Рязань Рязанью 55
Город Ростиславец 56
Пронское било 57
Город Дедилов 58
Начало Данкова 59
Робья гора 60
Золотая лампада в лесу 61
Смоленский лес 62
Исчезнувшие церкви 63
Трастнинская церковь 63
Поганое озеро (под Суздалем) 64
Коломенский прудок 65
Спасский овраг 66
Как церковь ушла 67
Машезерская пустынь 68
* * * 69
Донецкое городище (близ Харькова) 69
Почаевское озеро 69
Предания о чуди 70
Первопоселенцы Холмогорской местности 70
Первопоселенцы юрольских деревень 71
Чудин Лист 72
Жители села Койдокурья 73
Чудский могильник. Чудские паны 74
Девица из чудского племени 75
Чудь и разбойники близ деревни Черозеро 76
Первопоселенцы Хаврогорского села 77
Яг-морт 78
Чудь в землю ушла 80
* * * 81
Дева – правительница чуди 81
Сокровища погибшей чуди 81
Береза 81
О дивьих людях 81
Предания о панах 82
Про панов 82
Койка и паны 83
Панское озеро 84
Паны-утопленники 85
* * * 86
Жили два пана 87
Панская сестра 88
* * * 89
Панщина 90
Как Каньовский учил людей через ворота ездить 91
Панская чуприна 92
Курганы 93
Курган Сторожевой 93

Медведь-курган 94
Настин курган 95
Курганы Близнецы 96
Горы, ущелья, камни 97
Ижгоры и Мяньгоры 97
Хижгора 98
Чудесная страна 99
Драгоценный батожок 100
Бес и Бесиха 101
Девичья гора 102
Шведский камень 103
Немецкая щелья 104
Немчи окаменели 105
Священные камни 106
Следы на камнях 107
Конь-камень 108
Баш и Башиха 109
Камни-богатыри 110
Змеиная скала 111
Камень Седлач 112
На горах на Дятловых 113
О начале Нижнего Новгорода 113
Дятловы горы 114
Коромыслова башня 115
Мордовские кости 116
Ардатов 117
Арзамас 118
На земле татарской 119
Логово змеиное 119
Бесовское городище 120
Си-Юнь-Бекина башня 121
Княжна-татарка 122
Реки 123
Волга и Кама 123
Почайна 124
Пьяна, Свияга и Кудьма 125
Волга и Вазуза 126
Свирь 127
Дон и Дунай 128
Днепр и его сестры 129
Посланцы Днепра и Десны 130
Приношения рекам 131
Наказание Волги 132
Озера 133
Ильмень-озеро 133
Озеро Свитязь 134
Ольховское озеро 135
Конец ознакомительного фрагмента. 136

Русские были и небылицы

© И. Н. Кузнецов, составление, 2016
© ООО «Издательство «Вече», 2016

Предисловие

В легендах и преданиях, сколь бы фантастичными они порой ни были, всегда есть реальная основа (быль), в них всегда присутствует незабываемый и неповторимый колорит, постоянно напоминающий о том, что просто придумать такое невозможно; домыслить, приукрасить – да, но не придумать. Тут играют роль и емкие описания близкой, но остающейся непостижимой природы родного края. Увидеть так жизнь может только народ-художник.

Исследователь русского фольклора В. Пропп (1895–1970) разделил народное творчество по двум признакам: первое – когда в реальность смысла не верят, второе – когда верят: «В первом случае имеем художественное оформление вымысла (все произведения сказочного типа), а во втором – художественную передачу действительности или того, что принимается за нее (все виды легенд, сказаний, преданий)».

К произведениям «народной прозы», когда в реальность смысла верят, неизменно относятся предания о древних городах, селах, урочищах, курганах, об исторических лицах. И чаще всего ученые находят подтверждение тому, о чем говорится в устном народном творчестве: от конкретных исторических лиц до деталей быта.

Пионером собирательства таких старинных изустных рассказов можно считать М. Макарова (1785 или 1789–1847). В конце 1820-х годов, будучи чиновником для особых поручений при рязанском губернаторе, Макаров стал записывать народные легенды и предания. В многочисленных его служебных поездках и странствиях по центральным губерниям России сложились «Русские предания».

Исключительное для своего времени (длиною в четверть века) «хождение в народ» с целью изучения его творчества, быта совершил фольклорист, собиратель песен для известного собрания И. Киреевского П. Якушкин (1822–1872).

К народным преданиям неоднократно обращался историк и публицист Н. Аристов (1834–1882), труды которого остались, большей частью, рассеяны в периодических изданиях той поры.

Самые, пожалуй, популярные герои суеверной «народной прозы» (небылицы) – это черти, нечистая сила. Черти соединили в себе образы выходцев из ада с обобщенными представлениями о духах, которые перешли в разряд нечистой силы после утверждения в народном сознании христианства. Нечистая сила может принимать всяческие обличья, враждебна человеку («Плачут под церковью дети»). А вот, например, рассказ о крестьянке («Как жена мужа вызволила»). Откуда? Из чёртова царства.

Колдуны и ведьмы многое унаследовали от служителей языческих культов. В суеверных народных рассказах обычно подчеркивается их завет с дьяволом. Покойники здесь нередко вмешиваются в дела живых, причем особенно это относится к мертвым колдунам («Колдун и священник»). Но и в этих рассказах главное не чудеса, а особенная выраженность в них земных человеческих чувств («Жена из могилы»).

Одно из самых больших собраний «небылиц» («Полное собрание этнографических трудов», 1910–1911) осуществил за свой счет А. Бурцев (1869–1938). Оставаясь, по сути, простым коллекционером, Бурцев собрал их преимущественно в северных губерниях России.

В советское время первый всплеск собирательства фольклора произошел в период активного освоения Крайнего Севера в 1930-х годах. В это время были записаны «Сказки и предания Северного края» (1934) И. Карнауховой и «Поморские бывальщины» (1935) Н. Колпаковой. «Сказки и предания» до сих пор остаются одним из лучших русских сказочных сборников всех времен. Последние по времени записи (1960–1970-е годы), опубликованные в книге, из собрания Н. Криничной (Архив Карельского филиала АН СССР), также одно из значительных событий в фольклористике.

«Были и небылицы» взяты частично из редких изданий. К ним относятся: «Русские предания» (1838–1840) М. Макарова, «Заволоцкая чудь» (1868) П. Ефименко, «Полное собрание этнографических трудов» (1910–1911) А. Бурцева. Большая часть текстов – из старинных журналов и газет. Изменения, внесенные в тексты, незначительны, носят чисто стилистический характер.

Памятники путей богатырских

(Из собрания М. Макарова)

Богатырские кости

Древние, допотопные кости мамонтов, большей частью, почитались у нас костьми богатырскими. И там и сям рассказывали о богатырях гигантах. В округе города Переславль-Залесского один помещик употреблял плоскую мамонтову кость вместо печной заслонки, добрые люди звали эту кость ребром Добрыни Никитича. Сам Переславль имеет предание о каком-то Васе Переславце, на которого если кто взглядывал, то никакая шапка не удерживалась на голове: таков этот Вася был высок ростом. В Тульской губернии подобный же богатырь вырывал по засекам столетние дубы и проч. В пустоши Козихинской под Лебедянью вам еще и нынче покажут на одном камне гигантский след богатырской ноги и копыта того коня, на котором разъезжал богатырь. Там найдутся также люди, которые будут говорить, без шуток, что это копыто от ноги Полкановой.

Гаденово озеро

В древних русских стихотворениях, изданных Ф. П. Ключаревым, есть длинная песня о подвигах сильного и могучего богатыря Ивана Гаденовича, жившего, как водилось, по быту богатырскому, во времена князя Владимира Солнышка, во славном во городе во Киеве. А родился он, Гаденович, как вы думаете где? В Ростовской области, будто бы близ нынешнего города Петровска, на берегах озера Гаденова.

– Да! Могуч был этот Иван Гаденович, – проговаривал старинный народ ростовский, – играл и гуливал он, Гаденович, по-молодецки; да как зачерпнет, бывало, пригоршни-другие ключевой водицы из своего озера; да как захочет он утолить ею свою жажду богатырскую – и вот нет у нас озера до весны красной! Обирают только по тине заснулую рыбку; а бабам и холста намочить нечем!

По одному этому, застаревшему диву, нельзя ли померить каков был молодец Иван Гаденович?.. Кости его положены здесь же, в Ростовской земле, где-то около монастыря Борисоглебского. Исшагал этот богатырь-ростовец всю поднебесную шагами мерными; а пришел лечь на родине.

Родится новый Пушкин и, может быть, споет когда-нибудь хорошую песенку про Гаденовича: такую же, как наш прежний Пушкин пел об Еруслане да о Людмиле. И у Гаденовича была голова с пивной котел, и промеж его бровей укладывалась стрела калёная!

– Не хуже чужого *Бовы Королевича* был наш Иван Гаденович!

Вал половецкий

Кто едет из Москвы в Тамбов, тот, наверное, видит вал *половецкий.* Он, в нескольких верстах не доезжая до города Козлова, покажется в траве, да вот и пойдет мелькать: то близко, то далеко от дороги, и потянется он все править, все править далее и – далее к Усмани. Посмотришь на этот вал, он правилен, местами он размерен *сторожками*. Другой скажет, что это *бастионы*; но у половцев[1] каким быть бастионам? Тогда, как работали этот вечный вал, о бастионах и в голову никому не лезло! Да кто же рыл этот вал: неужели и в самом деле половцы? И когда они его рыли, и для чего, и долго ли, и на какую военную потребу они его рыли?

А коли рыли его половцы, то эти половцы не совсем-то были людьми дикими!

Право этот вал еще загадка *китайская*!

[1] *Половцы* – тюркские племена, обитавшие в X–XIII вв. в южно-русских степях. – *Ред.*

Козинская пустошь

Близ Лебедяни есть село *Большие Избищи*; в нем живут однодворцы и помещики: у тех и других долго шли споры за *Козинскую пустошь*. Иные говорили, что этот спор завязался не даровым сначала за диких коз, которые здесь велись несметными табунами: и от них-де, от коз, самая пустошь назвалась *Козьей*, или *Козинскою, пустошью*. Потом споры шли за охоту на лебедей; а эти лебеди сюда налетали и видимо, и невидимо: то с Лебяжьего озера, то с речки Лебедянки, которая тут же, от пустоши, не так чтобы далеко. В заключение: дело продолжалось за распашку и за всякую раздирку земель. Но теперь уже пресловутая Козинская пустошь разведена к одним местам, какому-то владельцу, как следовало, в особняк, и вот этим-то жаркое полымя ссор владельцев утушилось надолго. Без всяких пожарных труб его залил какой-то добрый землемер с правдивыми людьми – понятыми: да и козы на Козинской пустоши уже не прыгают; да и лебеди над ней уже не летают. И позабылась бы подлебедянская пустошь Козинская, как и все пустоши другие, прочие; но вот ее памятник гранитный, вот ее могучая пирамида: на этой Козинской пустоши лежит еще камень, так – простой, известковый, белый, а с явными отпечатками *следа ноги человеческой* и *следа копыта конского*. И – что это за след, что за копыто? Чудо!

«То памятник путей богатырских», – говорят жители, да и до сей поры еще частёхонько меряют их четвертями. В самом деле, здесь мера следа человеческого ныне неслыханная: она до трех четвертей длиннику и до полуторы четверти поперечнику. А конскому копыту мера: голова человеческая! Каковы ножки?

Такова же была мера ноги богатыря Аники и коня его, мера ступней богатырей киевских, мера копыт коней их.

Щелканова стоянка

Ужасен был Щелкан, лихой полководец татарский, вдоволь он напивался русскою кровью; но никто, кажется, больше не претерпел от него жителей Залесского Переславля: крепко он жал их своею грозною, железною рукою.

Стан Щелкана был на виду города Переславля, и одно только озеро спасало иных жен, девиц, старцев и младенцев переславльских, живших тогда, на воде, в ладьях, почти без пищи, в непрестанном страхе. Но тот, над кем не держалась рука Господня, тот все испытывал, все терпел: губила его неволя постыдная, ела мука смертная! Мастер был этот Щелкан на пагубу христианскую; и его нет уже, с шумом погибла о нем память!

На месте Щелкановой стоянки теперь помещается деревня, через которую всегда пролегала большая дорога из Москвы в Ростов; а на земле, улитой кровью мучеников, луга и пашня. Одно имя: *Щелканка* напомнит еще кое-кому о своем прошедшем страшном; во всем другом вековая тишина!..

Лес около Щелканки редок, и самое место ее долго стояло обнаженным: того требовала война убийственная! Но крест, воздвигнутый над могилами павших, привлек сюда поселенцев.

За несколько десятков лет пред сим здесь, на полях, находили еще двурогие копья, топоры; из одного болота вытащили кольчугу. Все это после принадлежало ближнему в Щелканке помещику, покойному графу Д. И. Хвостову.

Казак Ермачок

Все знают о предшествовавшем Куликовской битве сражении Вожском, в 1378 году, августа 11-го дня; но никто не указывает на место этого сражения. Оно было на берегах рек Вожи и Быстрицы; в виду Рязани, близ села Городища. Тут есть еще множество признаков славной битвы: могил и частью укреплений; тут много путей достопамятных, которыми ходили Донской, его сподвижник князь Владимир, татары: Бегич, Батый и другие. Главным помощником Донского в ратном деле на Воже был некто рязанский казак Ермачок; он со своими сотнями скрывался в перелесках между Вожью и Быстрицей и внимательно подстерегал врагов, засевши в одном болоте; а когда русские устали биться насмерть, Ермачок выскочил из своей засады и решил дело; но смятый бегущими врагами, сам попал в свое болото и погиб там. Это болото и теперь называется *Ермачково*. Говорят, что здесь встарь слыхали Ермачков свист и песни, а над болотцем видели белую лошадь, являющуюся с ржанием на утро 11 августа. В числе храбрых товарищей Ермачка крестьяне перекольские, иногда называли казачьих богатырей Рогожу и Чайцу. После Вожского сражения рязанский князь жаловал их землями, и потому тут около Переколи многие дачи сохранили имена прежних владельцев.

Голутвинский костыль

Голутвинский монастырь на Оке под Коломною: там жив еще путевой костыль св. чудотворца Сергия Радонежского. С этим костылем угодник Божий шел на поле Куликово благословить и поздравить великого князя Димитрия с победою над Мамаем!..

У нас так немного уцелело от старины, и мы так мало ценим это небольшое, что все подобные сведения не должны нам казаться мелочными!..

Пересветов посох

Близ города Скопина, в монастыре, святым Димитрием основанном, как думают старцы из часовни, существовавшей во времена Мамая, хранится посох, сделанный из яблоневого дерева. Богомольцы, посещающие Скопинский монастырь, благоговеют пред ним. Он, по преданию, принадлежал некогда сподвижнику Донского, храброму победителю Челубея – монаху Пересвету. Народное поверье приписывает остатку этой древности целебную силу. Во времена Петра Великого многие из окрестных дворянских детей испытывали над *Пересветовым* костылем силу, поднимая его. Таково поверье дворян рязанских. В 1825 году посох Пересвета был еще цел.

Воин-богатырь, отправленный святым Сергием к Донскому, шел путем-дорогою простым, бедным странником, доверившим себя одному милосердному промыслу небесному. На пути Пересвет посещал все пустыни, все монастыри, молился в них, и вот, здесь, недалеко от степей Куликовых, доверил свой страннический посох в хранение отшельнику – обитателю часовни Святого Димитрия. Пред ликом святого затеплил он свечу, препоясал себя мечом, положил на грудь свою крест и явился героем на страшную битву Донского с Мамаем.

Ступня Федора Блудова

Это город Вязьма, а это немного правее, на дороге в Смоленск, *ступня* Федора Блудова. Какая богатырская ступня! На ней поле, долины, леса; она чуть-чуть не покрывала всей Вязьмы, она в ее воротах; да не прошла в них.

Московские князья, за большие службы, пожаловали эту ступню отцам Блудова: *ею* отцы его питали себя, на ней откармливали они своих разудалых коней, сивок, бурок и вешних каурок. Тут первая была опора против первых нарысков польских. Федор Блудов долго владел этою ступнею; да вдруг замирился князь Иван Васильевич с князем Александром Литовским, и отдал он ему многие земли, и приказал он также ему отрезать на себя и *ступню Федорову*.

Заплакал горько Федор о своей ступне богатырской и не обиняком, не через людей, а сам прямо молвил великому московскому князю Ивану Васильевичу: «Кровь отцов моих залила ступню нашу на Вязьме: так не владеть ступнею моею литвину, не отдам моей крови, умру на ней…» И московский князь не отдал этой ступни литовцам; он сберег при себе кровь русскую.

Но в Вязьме позабыта уже эта славная ступня, – вероятно, теперь ровное поле!

Плотина царя Бориса

Вот селение *Царёво-Займище*: Борис Годунов раскинул его на землях Можайских! Вот остатки его пруда, некогда богатого рыбою. Пруд этот держала плотина, устроенная по разуму хитрых иноплеменцев. По широте этой плотины могли проходить ровно сто лошадей в ряд. Такая-то была эта плотина! Годунов во всем любил видеть размеры большие: от церквей до колокола, от колокола до плотины!..

Но и широкая его плотина прорвалась скоро! Чужие люди не всегда нам запруживали прочно!

Городок Валуева

В виду *Царева-Займища*, тоже на полях Можайских, есть место городка Валуева; крепко было это место во времена для нас черны. Товарищ полководца князя Елецкого, Григорий Валуев, держался тут геройски; он отражал поляков Мартина Казановского и Самуила Дуниковского. С ними были толпы воинов, а Валуев с малолюдством действовал как партизан. От трех тысяч своего войска он высылал по сотне всадников *удить* врага. И эти всадники мастерские были *рыбаки*: много они переловили *польской рыбы*.

В 1812 году мы почти тут же запустили первую сеть за рыбою *французской.* Это очень памятно, а славу *рыбака* Григория Валуева с его земляною сеткою не всякий помнит!

Высокий курган под Каширой

Высок этот курган, как и все курганы, как и все *сторожки* воинов древних. Да! Эти береговые курганы, эти короны рек Москвы, Оки, они не могилы; а *сторожки*! Был какой-то народ, который только курганами и берег себя!

Курганы – зародыш, куколка, личинка наших крепостей; но они же иногда и монумент человеку сильному: под курганами прятали сильных, и коней их, и сбрую конскую; часто тут же зарывалась с другом милым своим и жена его молодая; благодарные воину храброму, накидывали на него землю горстями из рук богатырских – так бывало!

При Годунове начальствовавший левым крылом войска русского каширянин Иван Писарев; он один только, из всех бывших под началом князя Воротынского, побил царевича Калгу-Гирея: храбро он отбил у него наживу под самым высоким курганом и телами врагов возвысил и эту насыпь. Но за то, кажется, что не побежал с другими, он умер вдали от очей царских, в каширской своей вотчине – Даниловском: и похоронен на погосте церкви Святого чудотворца Николая, что в Сытине, ныне приходской церкви села Даниловского.

Мы знаем этот погост, видный издалека, – тут есть фамильные могилы Писаревых.

Время Батыя

Батыева дорога

В Тамбовской и Воронежской губерниях, первых подвергшихся натиску татар, рассказывают крестьяне, когда-то давно прошел по русской земле страшный воитель Батый и на пути вырубил все православное население. Он никому не давал пощады: ни старику хилому, ни беспомощному малютке; сжег по дороге всякое жилье человеческое, истребил все леса и травы на сто верст в ширину, а в длину – насквозь всей русской земли. Где шли его полчища многочисленные, как муравьи, там не осталось ни одного зверя, ни одной птицы, да и рыба вся подохла в реках. Одна лежала черная земля, и та вся избитая конскими копытами, а не зарастала она сто годов. С той поры против этой широкой тропы земной, где шел Батый, и на небе выступило знамение в виде белой полосы, которую зовут *Батыевой дорогой.* Крестьяне считают, что Млечный Путь образовался на небе со времени нашествия Батыя на Русь, в память страшного бедствия, и лежит в том же направлении, в каком двигался свирепый завоеватель в нашей стране.

(Н. Аристов)

Княгиня Евпраксия

Когда Батый хозяйничал в Рязанской области, по преданию, он дошел до такой дерзости, что начал просить у князей дочерей и сестер их к себе на ложе. Один из лукавых вельмож сказал завоевателю о красавице Евпраксии, жене князя Федора. Батый убил ее супруга, а тело его валялось на реке Воронеже; потом прибрано было верным человеком, который принес весть княгине о гибели ее мужа. Евпраксия в это время стояла в высоком тереме и на белых руках держала любимого своего сына Ивана, названного *Постником*, потому что он по постным дням не брал груди материнской. Она высматривала ласкового, любимого своего супруга, и вдруг получает весть, что князь «любви ее ради и красоты от Батыя убиен бысть». Евпраксия тогда вместе с сыном бросилась с высоты на землю и *заразилась* до смерти; поэтому и город Зарайск получил свое название: *Заразск*.

И вот принесено было тело князя Федора, погребено с княгиней и сыном Иваном Постником и поставили над ними кресты каменные.

(Н. Аристов)

Евпатий Коловрат

Один из рязанских вельмож, Евпатий Коловрат, бывший в Чернигове во время нахождения татар, пригнал на землю Рязанскую с малой дружиной и увидел грады разоренные, людей побитых. Собрал он тогда 1700 человек воинов, нагнал Батыя на земле Суздальской, напал неожиданно на станы его, стал рубить и колоть силу татарскую. Сам Батый струсил. Татары думали, что ожили мертвецы русские, которые побиты были раньше ими; но взятые в плен пять воинов разъяснили, что они от полка Евпатиева, пришли честно проводить *сильного царя* и воздать почести, только не успели наливать чары на великую силу – рать татарскую. Тавруль похвалился перед Батыем, что возьмет живым Коловрата, но тот наскочил на него и рассек его пополам, – начали тут рубить татар, кого до плеч, а кого до седла. И, наконец, сам Евпатий со своей малой дружиной лег костьми на поле. Так богатыри рязанские, «чудища, а не людища», по выражению летописному, «крепкие удальцы лежаша на земле пусте, на траве ковыле, снегом и льдом померзоша».

(Н. Аристов)

По городам и весям

(Из собрания М. Макарова)

Поклонные горы и красные села

Почти все древние великие города на въезд и выезд от чужбины имеют *поклонные горы*, а с тем же вместе и *красные села*.

На *поклонных горах* жила радость встречи милого друга, дальнего гостя; на поклонных горах резвилась грусть-злодейка при проводах в дальнюю путь-дорожку, того же друга, того же гостя. В *красных селах* отдыхали и веселились цари и князья русские.

Все эти *поклонные горы* и *красные села* были и есть в Москве и под Москвою, под Владимиром на Клязьме, под Юрьевом-Польским, под Пронском, под Михайловом и под многими городами, отмеченными печатью славяно-русской!..

Русские слободы и жители слобод

Гораздо позднее *красных сел* выстроили подле них жилые хаты людей свободных: торговцев, воинов отставных от княжеской службы, бобылей и прочих. Все эти поселения названы были *свободами*, может быть, в отличие от крестьян-землепашцев, обязанных в разное время, платить то с сохи, то с земли, то с души положенную подать. Впоследствии *свободы* изменились в *слободы*, а из слобожан составились станичники, бортники; а еще позднее: стрельцы, пушкари и прочие тому подобные люди.

Все наши великие древние владения расчислили на станы, и вот станичники, начальствовавшие над этими станами, подразделялись на старых, молодых, жилых и служилых. Бортники назирали за княжескими пчелами, медом, готовили питье медвяное для князя и народа. Стрельцы имели в своем составе пищальников и копийщиков, и тем и другим придавались еще в помощь *шиши* – народная стража, бессрочная милиция, не столько охранявшая свою область, сколько грабившая по дорогам. Об этих *шишах* осталось еще памятью одно урочище в Москве.

В числе всех шишей, пушкарей, бортников и прочих русский народ много видел шептунов, колдунов и людей со всякой древней ворожбою. Все чудеса, все удальства нашей *средней* истории, конечно же, имеют в своих действующих лицах своего пушкаря, своего стрельца, шиша, пищальника. Из них же – опричники, кудеяры, лихаревы и другие. Владимирский удалец Иван Федотыч, ходивший один на сотню подвод обозных, пронский вор Марко, братья Рощины, Перфильич, Краснощекий и Веревкин – все они потомки стрелецкие и казацкие.

Пятница

Это маленькая часовня на столбике, на нем устроена кровелька, защищающая от непогоды полку, иногда убранную фигурною резьбою. На этой полочке ставят икону. Короче: наша часовня *Пятница* почти то же, что и кресты на землях католических, расставленные по межам владельцев. В древности, у язычников, может быть, в той же силе был *термин*. Положительное место для русских Пятниц – перекресток дорог, распутье на две, на три или на четыре стороны. Кто знает Русь, тот видал множество таких Пятниц. В старое, в темное, в непамятное время, говорят, что у нас на распутьях стояли столбы, чураки, неотесанные болваны и мимо них, как водилось, ни конный не проезжал, ни пеший не проходил без какой-либо жертвы, – христиане это истребили.

Замечательно, что в Рязанском княжении, еще и до сих пор, некоторые из распутий, более других дорог, установленные Пятницами, почитаются отчего-то таинственными. Назову одну из них: это дорога Комарина – она идет от Рязани полями и, не касаясь ни деревень, ни сел, теряется в борах Радуницких. Подходя ближе к Радуницкому монастырю Святого Николая, вы уже не слышите об этой дороге; но она опять проскочит кое-где, по лесам московским и владимирским. Всякий перекресток этой дороги освящен Пятницею.

Такие таинственные пути, как упомянутый Комарин путь, пользовались чем-то, особенно священным. На этих путях, как на поклонных горах, обыкновенно торжествовали счастливую встречу с другом, сыном, отцом. Тут же свершалась и последняя минута разлуки человека, уходящего в путь. Ожидания у Пятницы, проводы до Пятницы – общее поверье многих сельских жителей. Здесь только, с благословением небесным, произносилось и сладкое слово: здравствуй! И страшное слово: прощай!

Нередко к Пятнице собирались и красные девицы: они пристально смотрели на синюю даль и угадывали, скоро ли к ним придут, скоро ли прилетят их ясные соколы. Тут и ныне еще услышишь грустную песню осиротелой:

Отдалела-то я, сударушка, отдалела
С милым дружком в разлуке я сиротою.

Далее в этой песне обыкновенно девица, покинутая другом, просит его, чтобы он не забывал ее на чужой, дальней сторонке.

Наконец, от места Пятниц и страшные наши воры-разбойники: *Каины* и *Рощины, Кудеяры* и *Веревкины* – отправляли грозных послов своих с тем, чтобы они, повидавшись с окрестными жителями, заявили им предсмертное слово, т. е. если они, жители такого-то села или той-то деревни, не оставят своего жилища по доброй воле и если задумают они воспротивиться, то в тот же миг весь их *быт* поровняется с землею, их кости погложут псы и растаскает ворон! Редко противились обыватели ужасной силе предсмертного слова, они оставляли свои жилища, свое имущество, своих жен и дочерей – все на добычу разбойников, и тогда смельчаки-разбойники с торжеством распевали:

Девушки вино курили,
Красные пива варили
Про нежданнаго дружка,
Про гостинаго сыночка,
Атамана-молодца.

Ныне уж некому петь этой песни. Но проводы и встречи у Пятницы все еще существуют.

С введением христианской религии у нас на распутьях становят небольшую часовню с изображением св. Параскевии Пятницы. Но, по древнему обычаю, невесты здесь же вымаливают себе женихов…

Москва имела свою Пятницу, обращенную после в кладбище, теперь эта Пятница – приходская церковь!

Козье болото в Москве

И на месте Москвы была дичь глубокая: много было сказок о горах, рощах и лесах ее; долгие тянулись присказки о топях и лугах в тех лесах нетронутых. Недавно еще певалась песенка: *Как начиналася матушка каменна Москва.*

Приволье тут было птице небесной, не стерегся тут зверь стрелка вороватого. И прошло все: не живет маслина сплошь в году! Показались высокие рога кремлевские. И двинулись князья московские на поезды удалые! Недалек им был выезд разгулять себя: то в рощах *подкудринских*, то на трясинных топях *козихских*, то по вражкам тверских слобожан, то по отлогому бережку речки Неглинной; тут всего было вдоволь; и не бежал еще зверь в Сибирь дальнюю…

Дикие козы и лоси водились по всему Царству Русскому: и много же было коз на болотах Козьих низменных. Никто их тут не распугивал: *Как начиналася матушка каменна Москва.*

А при царях и патриархах тут же был и ручной козий двор: с него собиралась шерсть ко двору царскому; той же шерстью владел и патриарх Московский. Это был у царей и патриархов, – быт хозяйственный. Большие слободы были приписаны ко двору *козьему*. Как на праздник хаживали красные девки на дело пуховое; весело им было щипать пух под песенки.

Но в топях козьих много тогда легло народа неосторожного. Всегда была топка Козиха.

Могила забытого святителя

В Москве нынешняя церковь Святителя *Ермолая* была молельною часовней патриарха *Ермогена*. Уединенно стоя в чаще ракитника, окруженная топями козьими, она издревле принадлежала ко двору патриархов. По горке к *Благовещенью,* почти от самого пруда, красиво сидела березовая роща, хорошо в ней свистывали соловьи, хорошо пели и другие пташки. В березняке много родилось грибов, – весело им было родиться на чистоте, на припоре красного солнышка. И все это было для народа Божьего: для чернецов, для отшельников!..

Велик из них был патриарх Ермоген. *Живой* на воле Господней он здесь молился за нас, страдал и умер за нас, за Церковь Божию; но не тут, не в своей молельной, – чужие пташки теперь щебечут над его могилой, чужая пчелка сосет там мед с лазоревых цветочков – они одни памятник мужу правды!

Но тут же в молельной спит крепко другой святитель… Ему нет теперь имени на земле у нас, у живых, – камень, его покрывший, затиснут в помосте церковном, при самом входе в храм Божий, народ его топчет. Никому незнамо, кто был этот святитель; но вот крест, вот святительская митра… Они еще не сглажены богатырскою рукою времени, – тут она была бессильна!

Помни это прохожий на землях света: может быть, этот в живых бывший и теперь лежащий у ног твоих сам обрек себя в жертву, нам другим, смирения недоступного, – но кто он?..

Арбатские ворота

Не шутите и местом *Арбатских* ворот, ведь и это место добрый памятник в наших древних *ерлыках* о прежней славе матушки-Москвы.

Арбы, телеги, первые начали делаться у нас в Москве на *Арбате*, и вот от чего московская *Арбатская* слобода получила свое прозвище; а не от *Арабата*, как, может быть, думают некоторые! Да это все ничего, а вот где его славные исторические отметки.

Крестовоздвиженский монастырь (ныне приходская церковь) в 1440 году построен Владимиром Ховриным, воином – царедворцем великого князя Василия Темного. Этот Ховрин был душою предан святому митрополиту Ионе и сердечно любил своего князя; он умирал за него, как только мог, по-русски. Но междоусобия князей сломили Василия: Шемяка подло ослепил его, и Владимир Ховрин сложил с себя все светское: он живой залег в гроб дубовый – постригся в монахи.

Но вдруг Мегмет, царь Казанский, явился перед Коломною, сжег ее и, растворив эти ворота широкие от юга к Москве, осадил Москву; отсюда почти до самых стен кремлевских Москва наводнилась казанцами. Князь Василий Темный крепко дрогнул от этой нежданной осады и спрятался! Тут восстал *из гроба* Владимир; он вооружил хоругвями и крестами свою монастырскую братию, благословил ее со словом: *на дело* и присоединился с нею к начальнику московских войск, князю Юрию Патрикиевичу Литовскому. Все они пели: *днесь благодать Господня с нами*!

Казанцы, занятые грабежом и насилием, в свою очередь, дрогнули от неслыханной смелости черноризцев и побежали. Ховрин с монахами, на выбор, с молодцами полетел вдогонку за врагом, отбил у него заполоненных жен, дочерей и детей бояр и граждан московских и, не вводя их в город, всех окропил святою водою на самом месте ворот Арбатских. Кости Ховрина покоятся в московском Крестовоздвиженском монастыре; а монумент его должен быть здесь, у ворот!

Вот другой светлый случай, сбывшийся тут же в воротах к Арбату. Это было в междуцарствие: войска польские распорядились на приступ к Москве и назначили к Арбатским воротам мальтийского кавалера Новодворского. Отважный поляк с топорами принялся за вырубку палисада; работа пошла быстро; но с нашей стороны, от Кремля, защищал Арбатские ворота храбрый окольничий Никита Васильевич Годунов. Он так же, как и Ховрин, крестом и молитвою ободрял московитян и только ими уничтожал все замыслы Новодворского. Раздосадованный враг начал действовать отчаянно; он употребил свое воинское уменье, наконец, сделал пролом в *предвратном* городке, достиг было и самых ворот Арбатских; но здесь, прикрепляя к воротам петарду, был тяжело ранен из мушкета, упал. Наши видели, как его положили в носилки, как его богатая золотистая одежда окатилась вся кровью, как его шишак, украшенный перьями, *снопом* спал с головы и, открыв лицо его, показал молодца *лепого*: большие черные очи его потускли! Вслед за сим Годунов и русские воины бросились из ворот в неприятельские ряды с *белым* ружьем, а из-за стен наши же, руководимые французскими инженерами, спереди и с боков в перекрест не переставали действовать пальбою из мушкетов. Поляки держались на этом пункте до света; но не получая помощи из своего резерва, *гикнули по-свойски* и поскакали в утек. На колокольне церкви *Бориса* и *Глеба* ударил колокол – и Годунов сам пел: *Тебе Бога хвалим*!

Рязанские думные дворяне Прокофий Петрович Ляпунов и Григорий Никитич Ржевский особенно уважали церковь *Борисоглебскую*: они, отправляясь на всякое дело, служили в ней молебны. Неизвестно, был ли который из них вместе с Годуновым против храбреца Новодворского?

Московские жители! Каковы *Арбатские* ворота, проходя и проезжая их, молитесь образу Свв. угодников Бориса и Глеба!..

Московская приездня

Ждали на Москву гостей новгородских, ждали смолян, немцев, людей из свейского народа; и не бывало им, тем гостям нашим, в Москве мест и такого договора: как им стать и где им жить у святых церквей православных. Без осуды святительской, без приговора князя великого не ступали *нежданные* по землям города русского!..

И была на то для гостя заезжего слобода *приездная*; и в той *приездне* отбирали у гостя слово по-крестному целованию и спрашивали: как-де ты по быту чаешь пожить у светлого лика князя православного?

Великое дело было доступ к большому лицу князя Московского: свои князья и бояре его охраняли! На город к нему шли князья из Серпухова, из Звенигорода, берегли его князья из Можайска, суздальцы и юрьевцы… Так было верно или нет; но то было записано по речам старины дивной. Да! Старина что диво!

После вся слобода приездная со всеми ее приселками поступила во власть и дань царевичей грузинских, усердных слуг государей московских. И вот *приездня* преобразовалась в *приестню*, а – там и в *Пресню*!

Рассказ замечательный; почти вероподобный, но кто поручится за его правду сущую? Впрочем, и при других городах есть еще слободы *въездные* и *выездные*. Это осколок с родового обычая подсолнечного!

Подкремлевский дворец Ивана Грозного

И добр и грозен был царь-государь Иван Васильевич Грозный; любил он своих, и бегал он от своих, как от чумы, как от лихой болести! В доброе время во всех он видел людей добрых, а в злой час и не попадайся; хорошо, если только отваляет дубинкой, а то как вздернет выше леса стоячего, то и болтайся на любки птицам небесным! Ну не дай бог эдакого царя кому-нибудь! Чего себе не хочешь, того и ближнему не пожелай.

В Москве он любил жить под святынею в Кремле; а там как пошли на его царском жилье сплетни да подзоры, кинул он, царь, Кремль и повел свою жизнь в хижинке на топком месте, в ракитнике на Неглинной. Тут он сам назвал себя пустынником. Долгое время никому он не казался и никто его не видел, совсем он затворился, посыпал голову пеплом; да денно и нощно читал пред иконою Господнею молитву.

Монастырь Воздвижения близок был от царя-затворника; а он, царь, туда не ходил, – там жили люди, и этого для него было довольно: людей он поклялся не любить!

Но от болот тянулась *ножка, сапожок* – так в старину звались все сухие места, удобные для житья между топями или болотами, – и вот тут царь, в виду часовни Святого Николая Чудотворца, построил себе хоромы.

На месте хором этих теперь Горное правление – церковь Святого Николая недавно уничтожена!..

Курьи ножки

Устроилась при московских царях поварня, и много было поваров при той при поварне; и отвели тем поварам место на слободу, а назвали ту слободу поварскою. Много было у той поварской хозяйского приюта! Юн был царь Михаил Федорович, а знал он царский порядок. Не живали до него с его порядком князья и цари московские! В особую статью поставил он поваров, хлебню; особый же приют дал он слугам столовым, скатертникам, молочникам, коровникам, птичникам; и завел он тут большой куриный двор. А стоял тот двор у часовни Никольской, огорожен он был тыном узорочно, и важивались в нем куры голландки; и не редкость там были петухи гилянские. Не говорят, однако же, наши старики о курах индейских: знать, что их вели в другом месте.

Напорядке тоже было ссор и всяких дрязг у пристольного народа: и просили они царя о рассуде не одиножды. Иной говорил: у меня-де огорода нет; тот хлопотал о дровах; кто о шубе; кто о рубашке! Просто еще наше было *государство*: всякая мелочь шла прямо к царю! И вот царь сам изволил слушать и судить эту всякую мелочь. Обычай? Он и теперь еще ведется у старинных людей русских. Помогай Бог хозяину – все до него идет!

И вот, правда или нет, за что куплено, за то и продажа. Жаловались повара царю, что мал-де наш погост на кладбище, что у всех-де других буйвища широкие и есть где о родителях и повыть, и поплакать. Призадумался на ту просьбу царь-государь и скорой речи поварам не дал. А как пошел слух, что у поваров будет-де шум со слободскими, промолвил царь: как быть!

Скоро пришли повара и в другой раз на двор царский, и говорили старики царю: «Государь! Ты наш царь-отец милосердный. Смилуйся! А чем-де лучше нас кречетники да конюшие; но ведь богаты они раздольем в буйвище! У нас только, грешных, теснота родителям!»

И отвечал им государь: «Знаю; да где ж я отведу вам буйвище, того и сам не ведаю?» Ласково это было слово царское, смело повара опять поклонились царю до земли и указали на Николину часовню, при дворе курином. Немалую-де ножку та часовня занимает; а ножка-де та лежит в пусте; ни у конюших, ни у кречетников она не в уборе. «Дело! – вымолвил государь. – В пусте земля ничья; живет она людскими руками». И пожаловал тут он поварам грамоту на Николино кладбище и с тем же вместе при курином дворе, две от того двора ножки. И вот с той поры прослыло то урочище на курьих ножках.

Точно ли все это при царе Михаиле Федоровиче было? А народная догадка близка к делу: у нас был земляной размер ножками (полосками), особенно в поростях лесных. Тут и теперь вы еще услышите: Борисову ножку, Марьину ножку (долю) и проч.

Московский денежный двор

Припомните-ка старый денежный двор; он был за Москвою-рекою при церкви Космы и Дамиана, что в Толмачевском переулке. Теперь нет его и в помине.

А вспомнив, многие бы еще могли проверять на нем архитектуру аббатств *радклифских*. Странное дело: был этот *Денежный двор* – замок, да и только!

Вот почему находились люди, которые говаривали про него, что будто бы он весь этот *Замоскворецкий замок* в ночное время наполнялся то тенями умерших, то домовыми, то невесть чем и что все это невесть что от нечего делать постукивало да поколачивало тут свою загробную монету. И стук этот, бывало, случался таким громким, что раздавался по всему Замоскворечью. Самые почтенные купцы не дадут солгать, – все это тогда слыхивали другие люди, неохотно верившие в тени усопших монетчиков, они другое думали: они полагали, что в этом доме жила шайка воров и разбойников и что эта шайка не давала ни прохода пешему, ни проезда конному. Грабеж этот касался будто бы не только вещей – платков и шапок или тому подобного, но он же упирал и на детей, и на женщин: те и другие, явившись не впору, перед денежным домом пропадали; и мало ли что, бывало, рассказывали об этом пустом жилье. В то время мы еще худо знали *Анну Радклиф*. У нас еще не было своих романистов, а то какой бы роман они написали.

Нечистые и проклятые места

И тебе, и чадам твоим, и домочадцам, и всему дому твоему с полатью и подполатью, чтобы в тартарары провалиться, и не будь там тебе, чадам твоим, домочадцам и всему дому твоему ни дна ни покрышки…

Так, или почти так, всегда проклинали места ненавистные, чем-либо несчастные; и кляли их часто по найму, по заказу, по подкупу: и на тех местах, уже от века веков, никакого талану не было.

Подобных мест в России еще очень много, и есть они даже в Москве и под Москвою. Смотрите: вот *проклятое место* под Кунцевом, о нем написал кто-то целый роман; вот дом и в самой Москве: он выстроен прелестно; но полвека прошло, а никто в нем не жил! Вот и другой дом, также вечно недостроенный; а вот и место такое, которое едва могли огородить только; но Боже избави его застроить! Тут везде беды: повсюду тут смерть верная! Там, в доме, видели, как выплясывали *синие* люди, как туда скатывали в полночь тысячи гробов дубовых! Здесь не единожды кто-то играл камнями, как мячами, и от игры этой все состроенное опять разбирали. От синих людей *заплясала* однажды Сухарева башня!

Я не укажу на те улицы, где залегли места нечистые; но эти улицы, на которых лежат они, все большие, все известные!

Село Тайнинское

«Страшное было это село!» Жил царь Грозный, при нем, царе Грозном, оно было страшным. Так еще недавно, говаривал народ московский: «Вот тут видны следы Малюты, – вот тот пруд, где в берегах его были тайные землянки бездонные, – отсюда отправляли на смерть Адашева, святителя Сильвестра…»

Вот тут, над этим рвом, стояла, по словам князя Дмитрия Оболенского-Овчины, *содомская палата*. Шумно и буйно ликовали в ней вместе с Малютой Скуратовым другие любимцы Иоанновы: Басмановы, кравчий Феодор, Василий Грязный, князь Афанасий Вяземский!

Тут нареклись приговоры Курбскому, Турову, Шереметеву, Бутурлиным, тысячам жертв. Кроме других мук, многих людей здесь сажали живых в мешки и затаптывали около ручьев и Яузы в трясине болотной. Лет за двадцать до начальных годов настоящего столетия об этом здесь народ говаривал как о *запрещенной* государственной тайне.

При церкви Господней не погребали осужденных, иных живьем отвозили в Москву и заделывали в кремлевскую стену – скелеты их вынули после столетий.

Здесь научили нас татары бить кнутом, – но это говорил народ, а у нас не было инквизиции, и Тайнинское некогда называлось *Танинским*. Но от чего же бралась такая злая молва именно о Тайнинском?

Сказка о Братовщинах

Село Братовщина, что на Троицкой дороге, весьма замечательно своим названием: это древний выселок южных славян. Братствами любили селиться *муравы (моравцы)* и особенно *вольняне*, или *волинцы*, везде селившиеся своими братскими слободами.

Вот сказка о начале Троицкой Братовщины. Сыновья нелюбимые, теснимые отцом, не за родную мать, а за мачеху, поклонившись на все четыре стороны в родной земле, отправились дружно куда глаза глядели; шли они долго и лесами, и пустынями и пришли, наконец, на берег светлой речки *Скаубы*, осмотрели место красное и поселились на этой речке *Скаубе*. Долго это братство удерживало обычаи родины; но время здесь, как и везде, переделало все по-своему – славяне *моравские* переродились русскими мужичками.

Кроме Троицкой Братовщины, у нас есть еще *Семибратовщина* в Ярославской губернии; где-то еще – *Побратовщина* и многие другие *Братовщины*, и каждая со своею сказкою о многих или немногих братьях.

Но что же в Троицкой Братовщине осталось *моравского!* Неужели речка *Скауба* или другие же урочища, возле которых и на которых расселена Братовщина?

Братовщинский дворец

В запустелом Братовщинском дворце, и потом уже в его развалинах, неоднократно видели в полуночное время какое-то яркое освещение; иногда по аллеям придворного сада протягивались хороводы, но тихие, без песен, без шуму; все игравшие проходили с потупленными очами, и вдруг во дворце открывались и закрывались сами собою ставни; они хлопали громко, рамы некоторые распадались, шумно сыпались из них стекла, и все это исчезало.

Братовщинский дворец был одним из любимых дворцов императрицы Елисаветы Петровны. На пути к Троице и на возврат оттуда она отдыхала тут, занималась семейным бытом, дарила и жаловала богатыми платьями крестьян и крестьянок, женихов и невест.

Здесь, в придворной церкви, уверяет предание, в присутствии самой императрицы были обвенчаны две или три сельские свадьбы. Вся прислуга и всё угощение на этих свадьбах были императрицыны. Камергер В. И. Чулков, любимец государыни и большой мастер на сельские выдумки, бывал главным распорядителем при этих полевых праздниках.

Софрино, или Софьино

Близ Троицкой дороги, не доезжая села Рахманово, вы видите село *Софрино*; оно принадлежит графине Ягужинской, а прежде это была собственность царевны Софьи Алексеевны, точно такая же, как и село Софьино, при берегах Москвы-реки, на зимней Рязанской дороге. Тут росли богатые плодородные сады, разведенные самой Софьей. Дом Ягужинских был дворцом ее, впоследствии он перестроен.

В Софьине недавно помнили дворец царевны. Он был с чистыми сенями, располагавшимися посередине двух больших связей, из коих каждая разделялась на две светлицы. И в том и в другом селе рощи были сажены по распоряжению самой Софьи, а некоторые деревья и собственною ее рукой.

В селе графини Ягужинской светлеет еще летний пруд царевны, богатый рыбой. Он обсажен деревьями, на которых весьма долго оставались вырезанные литеры, означавшие, каждая, имя Софьи и друзей ее. В литерах этих угадывались имена князя Василия Голицына, Семёна Кропотова, Ждана Кондырева, Алмаза Иванова, Соковнина и других.

Народ толкует, что Софрино прежде называлось *Софьиным* же; но что при пожаловании его в поместье имя *Софьино* было изменено по каким-то причинам.

Голыгинская гать

Лет за семьдесят до наших дней рассказывали, что под мостом, близ деревни *Голыгино* (на Троицкой дороге), в каждую полночь жаловались и плакались души Хованских, казненных по домогательству (будто бы) царевны Софьи в селе Воздвиженское и потом затоптанных в гати под Голыгино.

Долго видели, что тени несчастных сына и отца Хованских выходили на Голыгинскую гать, останавливали проезжих и прохожих и требовали свидетельств к суду Божию на князя Василия Голицына, Хитрова, Хлопотова. Говаривали, что один из Хованских, кланяясь прохожему, снимал свою отрубленную голову, как шапку.

Потом тени страдальцев под Голыгинскою гатью заменены были стоном лешего; но теперь нет, кажется, уже и лешего…

Мирской памятник святому Сергию

Все знают, кто только бывал у Троицы Сергия, – а кто там не бывал? – все знают, что, не доходя до св. обители (со стороны московской), на самой большой дороге, поставлена каменная часовня, а в этой часовне воздвигнут *животворящий крест…*

Здесь была радостная, торжественная встреча святому праведному игумену Сергию; говорят, что он тогда возвращался с великою вестью о победах Донского. Троицкая обитель долго не видела своего Угодника, и здесь же на радости пели с Сергием: *Тебя Бога хвалим, Тебя Господа исповедуем!*

Как радостен тогда был народ, как кроток и богообразен был святитель Сергий!

Этому же кресту (после того) и Пожарский, и Козьма Минич Сухорукий, и все спасители Православной Руси молились во здравие на победы! Тут они святили воду и принимали окропление благодатью от старца пустынника. Подле самого креста есть и доныне тесная убогая келья собирателя даяний для святыни. В древности, говаривало предание, сюда в леса дремучие, всегда богатые губителями душ – разбойниками и лютыми зверями, издалека прихаживали мужи праведные, они одним святым словом спасали невинность, они одним благословенным мановением руки останавливали ярость зверя неукротимого.

Кто достигал этого *креста*, кто удостаивался только взглянуть на предвратника в св. обитель к Сергию, того уже не прикасались ни тать злодействующий, ни зверь лютый.

Студенцы

Это ключи *самородные*, они всегда уважались народом русским; их можно насчитать у нас множество. Подмосковные Мытные Селища (Мытищи) также находились при студенцах; тамбовский город Липецк примкнул к студенцу с *живою*, целительною водою. В иных местах целые озера назывались *святыми* студенцами. Булгарин прав, догадываясь, что тут-то и была наша сказочная *живая и мертвая* водица.

Подобные *святые* озера есть под Москвою (как, например, Косинское) и во многих других местах России. На этих всех студенцах совершались разные обряды, начало которых относится, по-видимому, к временам доисторическим. Воды этих же источников всегда считались целительными. Недужные, омывшись такою водою, кидают в нее кольца, серьги, деньги. Но никогда не оскверняют ее никакой одеждою или обувью.

В Святом озере, под Москвою, что в Косине, и теперь можно видеть на чистом дне его множество медных денег, колец, перстней, серег; это же вы увидите и в студенцах липецком и пронском.

Царский колодец

Он – в Переславль-Залесском уезде при селении Новоселках. На пути в Ростов здесь из родника императрица Екатерина II вкушала ключевую воду, и эта вода ей понравилась. Приказано было запастись тою же водою в Ростове, потому что в Ростове нет хорошей воды. Несколько бочек *поскакали* туда из Новоселок на почтовых; помещики сами провожали эту воду.

И с той поры новосельский ключ называется *Царским колодцем.*

Трубеж

Трубеж – так называют реку под Рязанью, под Переславлем малороссийским, под Переславлем-Залесским, т. е. под всеми Переславлями, потому что и Рязань называлась Переславлем. Трубеж – *рукав* реки, озера, может быть, моря. Не так ли в древности и все подобные водяные *рукава* и протоки названы были славянами?

В Малороссии некогда говорили, что Трубеж – дело рук человеческих, что он изрыт в глубокой древности для осушения мест городища, для крепких преград от врагов; в Переславле-Залесском добавляли к такому же почти преданию, что Плещеево озеро, из которого вытекает Трубеж, некогда прорвется, затопит Переславль-Залесский и тогда будет *светопреставление*. Есть еще тут старички, которые ждут этой же беды и нынче.

Думают ли тоже в Переславле-Рязанском, до нас о том не дошли слухи; но там еще кой-кто сказывает, что при Трубеже поклонялись Бабе-яге, что рязанский *батюшка* Трубеж сердит больно: *он в зиму не мерзнет, а тишь колыхает!*

Да и чего здесь не скажут о Трубеже!

Говорили нам, что *бабы* рязанские своей одеждою походят на Ягу-бабу. Стало быть, и она также хаживала и одевалась как рязанские бабы.

Город Берендеев

Невдалеке от Переяславля-Залесского видны остатки древнего жилья, признаки дубовых мостовых, закаменевших от древности, мусор, черепки глиняных изделий, обсеченные камни; но все это год от года затягивается более и более болотною топью. Вам скажут, что тут был древний город, называемый *Берендеев*[2]; это же имя носят и оставшееся недалеко от руин озеро и болото.

[2] *Берендеи* – древнее племя, исчезнувшее предположительно к XIII в. – *Ред.*

Вертязин городец

В Переславль-Залесском уезде Владимирской губернии, почти на границе меж дач села Вертягино и деревень Данилково и Михалево, еще жив городец *Вертязин*; его нет ни на одной карте; но о нем говорили Карамзин в своей *Истории*, трудолюбивый Зораим Ходаковский в своих *Записках*.

Я помню еще, как небольшая дубрава существовала на валах и на рвах городца *Вертязина*; при моих глазах ее сожгли поселяне, и вот *Вертязин городец*, с остатками признаков, превращен в пашню.

Как теперь гляжу на положение городца: оно было в полугоре; внизу его протекает крутоберегая речка *Парша*, в эту речку менее чем в полуверсте от Вертязина, под лесом *Сорокино*, впадает ручей *Вздериножка*. Сама Парша течет в *Кубрь*, очерчивающую, по преданию, владение Курбских. Над городцом, т. е. на самой вершине горы, расположено нынешнее село Вертягино с церковью Рождества Богородицы. Смотрите несколько левее вдаль, там за деревнею *Желнино* еще городец: он почти висит над Кубрью, его вышина кажется гигантскою – это сторожевое место городца *Вертязина*! В окрестностях все названия урочищ, сел и деревень вообще славянские. Вот они: *Гольцево, Михалево, Морозов Враг, Платихино, Романка, Сальково*; далее вам укажут на *Байнево*, на *Заболотье*, на *Хребтово.*

Александровская усыпальня

Все знают Александров, любимый стан Грозного. Там с незапамятного времени, говорят жители, при девичьем монастыре устроена *усыпальня*. Нужно ли пояснять для кого-нибудь, что такое усыпальня? Она, как и все усыпальни, дошедшие к нам от монастырей греческих, а туда с далекого Востока, не другое что, как большая, пространная, глубокая яма. На дно усыпальни становятся с усопшими гроб рядом с гробом, в ряд, наружу, не покрытые землею; до тех пор, пока эти гробы не заставят всего пространства *усыпальной* ямы; когда же она будет полна, то гробы засыпаются тонким слоем земли, на который, в свою очередь, становится опять новый ряд гробов, что и продолжается, пока уже вся усыпальная яма, в таком порядке, наполнится, по крайней мере на сажень от верха, покойницами.

Об Александровской усыпальне в народе сохранилось такое предание: что будто бы когда-то одна отшельница, боясь заживо быть зарытою, просила, чтобы гроб ее поставили на дно ямы; но не засыпали бы его землею. Может быть, затворнице, погребенной в стенах монастырских, грустно было думать, что солнце не озарит ее печального, мрачного жилища, и она завещала не лишать ее этой последней мирской радости. По-видимому, были причины уважить волю умершей; и с тех пор за нею хоронят таким же образом и других усопших отшельниц. Так наблюдается по крайней мере около трех столетий.

Гробы проклятых

Близ Владимира (что при Клязьме) на одном озере с незапамятных времен плавают гробы проклятых; гробы эти видит всякий; но они никогда не подплывают к берегам озера; посредине же воды их осмотреть никому невозможно хорошенько: близко к ним не подплывает никакая лодка.

Всех гробов, кажется, семь; они четвероугольно-продолговатые и похожи более на лубочные короба, нежели на обыкновенные гробы. Снаружи покрыты они озерною травой и мохом. Иногда из этих коробов издается стон, и про все это рассказывают истории ужаснейшие.

В них погибает семейство Кучко, в них стонут сподвижники Малюты.

Свадебки

В Суздальском уезде есть урочище *Свадебки*: это пять или шесть почти засохших сосен, которые остались, может быть, от дремучих лесов, некогда покрывавших, как говорят предания, всю землю Суздальскую.

Свадебки расположены на гладкой высоте, и от Суздаля, от Юрьева, и от Гаврилова Посада видны издалека. На этом месте съехались некогда две именитые свадьбы. Проезд был узкий; ни те ни другие не хотели уступить друг другу первого выезда – передрались, перерезались, и на их крови выросли эти деревья.

Три дворца князей Суздальских

– Вот один из них, – говорит суздальский летописец *Ананий*, – в 1451 году, когда Москву осаждали и громили татары, этот дворец существовал еще в *Суздальском кремле*, возле самой церкви Святых *Афанасия* и *Кирилла*, патриархов Александрийских, именно там, где был дом воеводский.

Первый из этих суздальских гражданских воевод истребил последние остатки дворцовых древностей – *кирпич печатный*; он употребил его в фундамент для своих печей.

Ананий заверяет также, что в этом же дворце живали в свое время святой князь *Владимир* и святая княгиня *Ольга*; но, кажется, это наша привычная историческая смесь *юга* с *севером*, славян с норманнами и проч. В 1445 году здесь еще думал спасать себя несчастный князь *Василий Темный*. Ему произнесен там приговор Шемякою: *вырезать глаза брату Василью!*

– Другой дворец, – продолжает летописец, – стоял на большой площади Суздальской, близ церкви Святого Чудотворца Николая, что у *креста*: там после был старый городской Магистрат. В этом дворце живал князь *Георгий Долгорукий* тогда, как он был еще только князем Суздальским. Замышляя о Москве, он, кажется, не забыл и Суздаля: он строил и украшал здесь монастыри и церкви и отсюда же посылал серебро и золото в Киев на сооружение раки для мощей *Феодосия Печерского. Ананий* считает княжие деньги *гривнами* и определяет, что из дворца их было отпущено в Киев золотых пятьдесят и серебряных пятьсот. Народ уверяет, что это составляло наш пуд с четвертью золотом и шесть пудов с четвертью же серебра. Георгий был очень богат и гостеприимен: его терема были дивны. Поэтому и можно что-нибудь посудить о дворце его; но он истреблен татарами до основания!

Третий дворец князей Суздальских был внутри *кремля*, близ собора, – думать надобно, что он или тот самый дом, в котором после было местопребывание суздальских архиереев, или же он – то небольшое, старинное каменное здание, которое еще в наше время живет возле ограды соборов. Предание доказывает, что этот дом принадлежал князьям Шуйским… Сюда наезжал пожить, не будучи царем еще, князь Василий Иванович Шуйский. Здесь он постом и молитвою приготовлял себя к любви народной. Дворяне и граждане рязанские, владимирские, нижегородские тут имели с ним свое *тайное слово*. Духовенство любило Шуйского и, как глава всех тогдашних *русских перемен*, везде, по всей Руси, работало на пользу будущего царя; но в Суздале совещания этого же духовенства были определительнее, чем где-нибудь в другом месте. *Гермоген, Феодорит*, зарайский протопоп *Димитрий* и многие другие славные люди, желавшие видеть на *столе Русском* только чистое потомство наших князей древних, писали в Суздаль и сами бывали в Суздале. Народ говорил: Шуйский *с ними за едное* и сам метит в Цари!

Вместе с Василием Шуйским бывала в Суздале и прекрасная, но несчастная дочь его – жертва неистовства Лжедмитрия, нашей русской *железной маски*, доселе еще никем не разгаданной!

Лет еще двадцать назад суздальцы передавали своему новому поколению, что *Ксения* Шуйская была девица набожная, к отцу и к матери почтительная, на лицо прекрасная и не по-девичьи благоразумная. Она хорошо знала книжное чтение, а письма писать не ведала. С людьми посторонними ее видели осторожною и за то самое чаяли, что горда она.

Царь Михаил Федорович пожаловал дом Шуйских суздальскому соборному протопопу с братией. В 1812 году в остатках этого дома жил известный оператор, ботаник и суздальский медик-философ Д. П. Моренко.

Терема в Суздале

По берегу речки *Каменки*, где ныне *Красная гора* и урочище *Теремки*, и в самом деле были красивые домики князей Суздальских, и на этих домиках-*теремках – теремочки* высокие. Не верите, но то же вам скажет и суздальский летописец, старец *Ананий*.

Настоящий памятник этим теремкам одно только название урочища: *Теремки*. А народ еще говорит о них: «Здесь изволили жить да быть наши князья Суздальские, самые князья древние. Вот тут на этом месте, под светлым, косящетым, *красным* окном на Каменку, св. *Евфросиния*, благочестивая дочь св. князя *Михаила Черниговского*, прибыв обручить себя с князем Суздальским *Миною Иоанновичем* (за один только день до свадьбы своей внезапно скончавшимся), произнесла обет Богу и спаслась в монастыре *Риз положения Пресвятыя Богородицы*». Святая жена, лишенная предназначаемого ей судьбою друга, хотела уже только жить для Бога и в Боге.

Плакала она горько, душа ея улетала из тела, – говорит народ о дочери Михайловой, – очи ее синие, как небо, слились с небесами Господними! На грешной, сырой земле ни род, ни племя ее не утешали. Косящетое окно терема было затоплено ее слезами!..

Отсюда же, из этих самых теремов, и прекрасная Соломония, дочь незнатного сановника Сабурова Георгия (Юрия) Константиновича и супруга великого князя Василия (IV) Иоанновича, венчанная с ним в московском Успенском соборе митрополитом Симоном, осуждена была в опалу, на вечное отлучение от княжей жизни семейной. Она была бесплодна, она не могла иметь детей, и в этом самом было все ее преступление перед Отечеством и перед силами великого князя Московского; но Василий привык любить ее и, если верить преданиям, как невольник, только по долгу иметь наследника, уступил Соломонию келье монашеской. В этой келье спасалась она, молясь за православных! В инокинях называли ее Софиею.

О ней же, Софии-Соломонии, говорят суздальцы, и то же говорит *историограф*, что она, Соломония, не хотела добровольно покинуть мир и тогда сановник великокняжеский *Шигона* (Ванька) угрожал Соломонии не только словами, но даже побоями. *Герберштейн*, по рассказам народным, описал даже то место, где дерзкий Шигона ударил великую княгиню, – в доказательство вот шаг землицы, который называется и доселе *заушьем*. Есть еще люди, подтверждающие это же предание и обвиняющие игумена *Давида*: они говорят, что этот монах, как *полицейский*, исполняя буквально веления Василия, постригал Соломонию, связавши по рукам и по ногам, и что потому са́мому княгиня Суздальская достойна святого венца мученицы. Молва добавляет, что даже вторая супруга Василия, урожденная княжна Глинская, уважала святость жизни монахини Софии и *особенное* имела с нею свидание в теремах суздальских.

Свидание Елены (Глинской) с Соломонией, – шептали старцы суздальские, – было предлогом политическим; хотели дознать: точно ли Соломония была приведена в Суздаль беременною, как свидетельствовали о том современники, и точно ли она родила сына Георгия? Ответ на это не решен, – он истлел от времени вместе с суздальскими теремами!

Минино селище

Верстах в трех от Суздаля на большой Владимирской дороге есть место, называемое *Минино Селище*. Тут был загородный дом и сады обширные суздальского князя Мины Иоанновича, обручника св. Евфросинии.

Сады Минины украшались всякими травами и древесами болгарскими, греческими и другими. Болгарский князь Ассан, получив приют в земле Суздальской (так поет древняя песня), эти сады богатил *вишеньем* да *черешеньем*.

Князь Мина, занимаясь теми садами, в думе крепкой, под их древесами, совершал свои надежды великие; он тут гадал о денёчках красных, счастливых. Да вот накануне дня своего брака положил все ожидания в гроб – в мать сырую землю, – а святая невеста Минина обручилась молитвою с женихом вечным – с Господом Богом!

Нынче на месте увеселительного дворца и зеленых садов князя Мины лежит удобренная пашня, и крестьянин, работник на этой земле, едва ли угадает когда и *где* именно разгадана небесами судьба той св. угодницы, которой он молился как ангелу небесному!

От чего прозвалась Рязань Рязанью

У славян не было Рязани, – они пришли с юга и срубили Переславль. Этот городок был памятником Черниговскому *полуденному* Переславлю, и точно так же срублен Владимирский – город Переславль на Плещеевом озере, в память городу Рязанскому, и точно таким же образом переселялись к нам новые города, – Владимиры, Перемышли, Звенигороды и многие другие, все они перетаскивались к нам, может быть, из самых дальнейших стран *подсолнечных*. Это исполины-путешественники, пригревшие себе места; но не знаем, на сколько столетий, в местах нынешней нашей Руси, на земле черной; в предысторические времена отверженной, может быть, и солнцем. По крайней мере, так тогда о нашей настоящей земле думали.

Имя Рязани произошло от слова *ряса*, а ряса – то же, что лощинка, болотное местечко, способное для задержания напора вод, – скат, под которым вода накопляется весною и держится посреди ровных полей на долгое время. Таких ряс и под старою, и под нынешнею Рязанью очень много. От этих же ряс получили себе названия (тут же) многие урочища и речки. Таковы, например: *Ряса* (река), *Раковые рясы* (селение), *Рясск* (Ряжский город), *Рясань* (урочище) и проч. Мудрено ли после этого получить нашей Рязани название Переславля *Рясанского*. Точно это думал некогда народ рязанский, с тем же согласен был известный у нас в свое время писатель П. Ю. Львов. Но какому языку принадлежало слово *ряса*, иногда также означающее шарик, мячик, пузырек (ряска)?

Город Ростиславец

В Михайловском уезде, на правом берегу реки Прони, стоит древняя *крепостца*, известная под именем *Ростиславца*, или Вышеславца. На площадке внутри этого городища, говорят, есть погреб, прикрытый прочною, решетчатой, железною дверью. В этом погребе хранятся сокровища непостижимые. Днем решетчатой двери никто не видит; но в полночь многие находили ту решетку, сближались с нею, пытались поднять; да вопль, гам, свист, шум и всякие страхи отнимали руки у людей самых неустрашимых, и – таинственный погреб остается неразгаданным. Впрочем, кто ходил к погребу в полночь, один, безоружным, тот мог видеть сияние драгоценностей, ворохами раскиданных по подземелью. Но что он мог сделать один?

Пронское било

В слободе Плотной, составляющей одно из предместий нынешнего города Пронска, на колокольне тамошней приходской церкви, хранится древнее *било*, южное вече, заменявшее некогда вечевые колокола. Это било, неизвестно для чего, неоднократно переносили из Пронска, верст за пять, в село Елшино; но било опять уходило в старое место в Пронск. Предание говорит, что оно принадлежало женскому монастырю, ныне уничтоженному, бывшему на том самом месте, где теперь сооружена приходская церковь, сохранившая еще и доселе чудное било. Тут похоронены многие княжны и княгини пронские. Сказывают, что одна из них отдала било кладью в церковь с тем, чтобы оно принадлежало навечно одной и той же церкви. Завещание княжны или княгини исполнено, и никакою силою невозможно себе присвоить било с того места, которому оно завещано. Очень часто видели, как сама завещательница, стройная, высокая, точно птица небесная, летала за перенесенным билом в Елшино и, как сказано, невидимо возвращала его опять на прежнее место.

Город Дедилов

Старинный город Дедилов, Тульской губернии, построен на семи провалах. Один из последних воевод дедиловских Неелов говаривал, что тут провалились поганые *капища* и дома богачей-корыстолюбцев. Народ же верил в последнее. Каждый провал имел свое время и свое название; нынче они неизвестны; но, однако, в Дедилове недавно были еще жители, ожидавшие вновь провалов.

Начало Данкова

Построение нового русского городка Данкова также достопримечательно. Рыбаки, вероятно, рязанские казаки, идущие с ловли от старого городища по реке Дону, прельстились местом нынешнего Данкова, собрали сети, расчислили добычу и пошли прогуляться по берегу. Какая-то тропинка завела их в лес и потом к пустыне – к отшельнику Романею. Этот отшельник Романей, или Роман, принадлежал к фамилии князей Телепневых, был некогда человеком значительным в кругу дворян; но убитый кознями и суетами мира, он дал обет Богу, в неизвестности житейской, спасти себя. Казаки-рыбаки, укрытые им от темной ночи, предложили ему свою добычу и остались у него. Вскоре они вместе основали *Покровскую пустынь*, а потом и первый монастырь Донковский; речка Везовня, соединенная с Доном под самыми стенами монастыря их, придавала им как-то особую защиту от существовавших еще тогда набегов разбойничьих. И вот они, общими силами, очень скоро сумели привлечь к себе братию из богатейших казаков: и таким образом к монастырю их переселился и весь *древний* Данков.

В старинном *синодике* монастырском живут и до сей поры имена строителей пустыни – донских и рязанских казаков.

Робья гора

Верстах в тридцати от нынешнего города Данкова есть старое Данково городище. Оно лежит против села *Сторожевой Слободы*. Это городище устроилось на увесистом, береговом крутояре реки Дон, а напротив него возвышается столь же крутая гора *Робья*, или *Рабья*, увенчанная курганом.

Вот история этого прозвания: какой-то древний владелец *Сторожевой Слободы* обещал сто рублей тому, кто, наполнив рот донскою водою, не переводя дух, взойдет прямиком на гору. Многим захотелось получить сотню рублей, но никто на себя не понадеялся: гора стояла *стена стеной*! Наконец, нашлась какая-то молодая раба – девица; она наклонилась к Дону, взяла в рот, сколько могла, донской водицы и, не уронив ни капли, взошла на гору, но от усталости тут же упала и умерла. Боярин похоронил ее здесь и положил с нею вместе сто рублей. В память ее наметан Рабий курган. В новейшее время крестьяне неоднократно разрывали этот курган. Неизвестно, отысканы ли были там похороненные рублевики, но достоверно только, что в выброшенной земле с кургана найден череп головы человеческой.

Золотая лампада в лесу

В Кирсановском уезде, на землях села Рамзы, что посреди густого леса, около реки Вороны, вам скажут о чудной, необыкновенной иконе, поставленной в дупле одной многолетней, белой, кудрявой березы. На иконе – прекрасный лик Пресвятой Богородицы. Никакой живописец не писывал подобного! Золото, серебро, камни драгоценные, ослепительного сияния, составляют раму и ризу сокровища. Пред образом теплится неугасимая золотая лампада, унизанная редкими алмазами. Всякий безоружный человек пойдет искать это чудо – находит и видит его; вооружитесь же топором, даже гвоздем, – не увидите. Такова была воля пустынника, христианина-грека, оставившего в пустыне свое сокровище.

Смоленский лес

В Смоленской губернии есть лес, где-то неподалеку от большой Московской дороги; в самой середине этого леса находится, по рассказам, на большом пространстве, широкое, топкое, непроходимое болото, по которому не только летом, но и в самую холодную зиму нет ни проезда, ни прохода; это болото никогда не замерзает и никогда не пересыхает. На середине болота лежит остров зеленый и цветущий, как лужайка: тут растут высокие красивые деревья, никем еще не тронутые от начала мира, и водятся различные звери, птицы и пресмыкающиеся, которых давным-давно уже нет в других местах. Многие из любопытства пытались пробраться на этот дивный островок; но напрасно. Это один из тех островов, которые сделаются доступными накануне *светопреставления.*

Исчезнувшие церкви

Трастнинская церковь

Почти на границе Тверского уезда с уездом Крапивинским, в дачах села Трастны и деревни Есенкове, был, а может быть, и теперь есть еще небольшой прудок или озерцо, весьма крутоберегое. Это провал христианского храма, оскверненного человеческими преступлениями: злым расколом, язычеством, грехами неслыханными.

Рассказывают, что однажды в Великий праздник буйные толпы, собравшись в церкви к ранней обедне, подрались в самом храме. Церковники ударили в колокол, и церковь быстро пошла в глубь земли, так что никто не успел спастись. И когда церковь совершенно ушла под землю, то на ее месте выступила темная и мутная вода. Вода эта стоит и теперь еще тут. Народ, не бывший у ранней обедни, долго слышал крики, стоны и скрежет погибших. Уверяют, что звон колокольный и доныне еще слышат накануне Великих праздников.

Провал окружен мелким лесом – заказником, где много волков и леших проказников; но ни волки, ни лешии, как заметили пчеловоды, никогда не осмеливаются приближаться к месту исчезнувшего храма!

(М. Макаров)

Поганое озеро (под Суздалем)

Такой же провал церкви, как и *Трастнинский*, а другие говорят провал целого монастыря, есть и под Суздалем, на так называемом *Поганом* озере. Но там уже совсем другая *поэма*. Враги нечестивые бросились грабить храм Господень; земля затряслась, и все они погибли в бездне. Храм также обрушился с ними, и на его месте, то же, как и в Тульской губернии, появилось озерцо, прозванное *Поганым,* потому что там злодеи иногда выплывают на поверхность озера и заражают воздух нестерпимым смрадом.

(М. Макаров)

Коломенский прудок

В городе Коломне есть прудок, оставшийся так же, как в других местах, на провале церкви. Старожилы коломенские уверены, что и в этом пруде, на известные праздничные дни, слышен звон колокольный. От нечистоты, выбрасываемой с боен, пруд к одной стороне его чрезвычайно вонючий и грязный: в нем вся вода черно-желтая; но зато с другой стороны, на чистом местечке, в этом же пруде, исцеляют от накожных болезней детей, а иногда и взрослых, и – болезни проходят.

(М. Макаров)

Спасский овраг

Около Василькова (деревня) есть овраг, называемый Спасским. До литовского разорения там стояла церковь Спаса. За грехи попа и причта она была поглощена землей, причем и образовался овраг.

Но и поныне в ней невидимо отправляется служба. Если в воскресенье сойти в овраг и приложить ухо к земле, услышишь звон колоколов. Место, где, по словам стариков, находилось кладбище, долго не пахалось, но теперь от него осталась только узенькая полоска.

На самом же месте, где была церковь, в провале, находящемся в боку оврага, выросла большая ель. Долго ее не трогали, наконец, один мужик срубил ее и хотел истопить избу ее сучьями. Но от них пошел чад, убивший все семейство.

Потом выросла [ель] меньше, но теперь и той нет.

(Н. Квашнин-Самарин)

Как церковь ушла

Старые люди сказывают, что из Василя Сурского церковь ушла за Волгу, с попом и семью прихожанами, и встала там, в *уреме*, в таком месте, которое каждый год водой заливает. Редким людям удавалось ее видеть, а звон многие слышали. Раз один мещанин (жена у него была, дети) переплыл за Волгу и забрался в болота, незнакомые глухие места. Глядь – церковь стоит. «Что, – думает, – за чудо? Не слышно, чтобы тут церковь была, и зачем она в такой глуши и болоте?» Подошел. Вышел поп и люди с ним. Приглашают его здесь остаться. Он и не прочь бы: понравилось, да свалил на жену.

– Коли, – говорит, – жена отпустит – приду.

Пошел домой, а дорогой на деревьях зарубки рубил. Пришел и рассказывает жене.

– Что ж ты, – говорит она, – не пошел? Мы бы как-нибудь обошлись, а тебе, может, денег бы дали за это. Ступай!

Он пошел. Искал, искал, плутал, плутал, так и не нашел, будто и церкви никакой не было на том месте. Когда в той церкви хоть один из семерых умирает, другой на его место тотчас…

(Д. Садовников)

Машезерская пустынь

В двадцати верстах от Петрозаводска есть древняя Машезерская пустынь, которая, по рассказам местных жителей, существует около трехсот лет, и церковь в ней год от года уходит все более и более в землю. Уверяют, будто в этой церкви прорублены уже третьи окна, потому что прежние ушли в землю.

(В. Дашков)

* * *

(Из собрания Н. Сумцова)

Донецкое городище (близ Харькова)

На этом месте был город, который пропал. В настоящее время, кто плывет по реке Удам и всмотрится в воду, тот видит на дне реки остатки домов. Иногда лодка цепляется за кресты церквей.

Почаевское озеро

В Ровенском уезде (Волынской губ.), вблизи с. Высоцкое, в лесу находится Почаевское озеро. По народным рассказам, здесь было некогда село Почаево, которое провалилось под землю. В ночь на Святое воскресенье из глубины озера доносится звон колоколов.

Предания о чуди

(Из собрания П. Ефименко)

Первопоселенцы Холмогорской местности

Говорят, будто бы одно семейство чудского племени расселилось в окрестностях Холмогор. На *Матигорах* жила мать. На *Курострове* – Кур-отец, на *Курье* – курья-дочь, в *Ухтострове* – Ухт-сын, в *Чухченеме* – Чух – другой сын.

Все они будто бы перекликались, если что-нибудь нужно было делать сообща, например, сойтись в баню.

Первопоселенцы юрольских деревень

Старожилы говорят, что самое название *Юрола* дано селу Юром.

У Юра было два брата: Тур и Окат. Тур расселил Чушельское селение Юрольского прихода в Верхнем конце, который и поныне называется *Туровским*, Окат – *Окатовскую* деревню в Сояльском приходе.

Чудин Лист

Название *Лисестрова* произошло от коренного жителя, чудина Листа. Этот Лист жил на острове вроде наместника или тиуна[3] и собирал хлебные и денежные доходы…

Чудь[4] имела красный цвет кожи, она скрылась от новгородцев на Новую Землю и ныне там пребывает в недоступных местах.

[3] *Тиун* – наименование разного рода должностных лиц на Руси XI–XVII вв. – *Ред.*

[4] *Чудь* – древние финские племена. – *Ред.*

Жители села Койдокурья

Село *Койдокурья* Архангельского уезда получило свое название от первого поселившегося в тамошней местности чудина по прозванию *Койда* или *Койка*… Поколение Койды было мужественно, великоросло и чрезвычайно сильно. Люди его поколения могли разговаривать между собой на шестиверстном расстоянии или иметь перекличку.

Один из тех чудинов был столь силен, что однажды, когда он вышел поутру из ворот и затем чихнул, своим чихом до того напугал барана, что тот бросился в огород и убился до смерти.

По истечении некоторого времени местность Койдокурская сделалась известна другим: сюда с разных сторон стали стекаться чудь, новгородцы и поморяне и начали расселяться деревнями; и затем каждая деревня получила свое название от первого поселившегося жителя или по другим причинам.

Чудский могильник. Чудские паны

Ниже реки Устьи в Вагу впадает с левой стороны – Пуя, а в тридцативерстном пространстве расположен Пуйский приход. Первые населенцы его были также чудского племени. Еще и ныне на берегах реки Пуи указывают места, служившие кладбищем для чуди. Одно из таких мест усвоило за собой название *могильника*. Существование чудских кладбищ доказывается высыпающимися из берегов реки человеческими костями.

Есть еще одна гористая местность, называемая *Паново*; тут будто бы жили прежде чудские паны, т. е. главные чудские начальники. Паново имеет вид искусственного крепостного вала, расположенного на гористом месте и примыкающего с одной стороны к реке, а со всех прочих – окруженного правильным полукругом, в середине которого низменная площадь.

Девица из чудского племени

По течению реки Устьи, впадающей в Вагу, на правой стороне ее, в Благовещенском приходе, напротив устья Кокшеньги, между двумя ручьями, на возвышенной горе, прожившая чудь оставила по себе признаки: вал кругом сопки (кургана) – как бы род крепости, и в некоторых местах ямы, сходные с погребами. При разработке земли под хлебопашество крестьяне там в недавнее время находили бугры глины. Из этого заключают, что на тех местах были чудские печи.

От тех населенцев чудского племени взята была в деревню Михайловскую девица в супружество за крестьянина Черепанова. Девица эта была мужественна, имела необыкновенную силу в сравнении с прочими девицами. Потомство же ее уже ничем не отличалось от новых ее земляков.

Чудь и разбойники близ деревни Черозеро

В тридцати верстах от села Моржегоры, близ деревни Черозеро, на опушке леса, находятся ямы с остатками бревен… В них закапывалась чудь.

Там есть еще озеро, называемое *Разбойное*. Около этого озера жили разбойники; в озеро ведет оставшаяся от них лестница, и есть в глубине клад.

Первопоселенцы Хаврогорского села

Кроме беглых новгородцев жили здесь еще и собственно туземные обитатели – чудь. Они были идолопоклонники, жили особо от новгородцев.

…Указывают и самое место жительства чудского племени: именно близ святого колодца, находящегося в полуверсте от церкви, на ровной долине. У них не было пеклых печей, глиняных, а простые каменки, какие ныне имеются в крестьянских банях.

Кроме сего, указывают и на кладбище дикого народа, жившего в древности на Двине в Хаврогорском приходе, ниже церкви, в трех верстах, близ деревни Корзовых, находящейся возле Двины, за ручьем. Там высыпаются из горы человеческие кости необыкновенной против нынешнего народа величины.

Яг-морт

В отдаленной древности, когда еще на берегах Печоры и Ижмы рассеянно жили полудикие чудские племена и, не зная хлебопашества, питались от промысла зверей и птиц, когда они еще поклонялись деревянным и каменным богам, в дремучем лесу, окружающем одно из чудских селений, появился человек необыкновенный. Ростом он был не ниже сосны, по виду и по голосу дикий зверь. Лицо, обросшее черною, как смоль, бородою, глаза, налитые кровью и дико сверкающие из-под густых бровей, косматая одежда из невыделанной медвежьей шкуры. Таковы приметы этого человека, которого туземцы называли Яг-мортом (лесным человеком). Никто не знал ни роду, ни племени Яг-морта, никто не ведал, откуда появился он между чудскими жилищами. Яг-морт ни с кем из туземцев не имел общения; он жил в глубине лесных трущоб, рассеянных по берегам Кучи, и появлялся между людскими жилищами только для грабежа и убийств. Робкие чудинцы избегали всякой с ним встречи. Одно имя Яг-морта наводило страх на окрестных жителей. Женщины пугали им детей своих, распевая:

– Яг-морт высок, как добрая ель, Яг-морт черен, как печной уголь. Не плачь – замолкни: Яг-морт придет, станешь плакать – съест.

Яг-морт уводил, резал скот, похищал жен и детей, часто, без всякой причины, убивал встречного и поперечного. Выведенные из терпения злодействами разбойника, чудинцы старались всемерно погубить его; ловили его, как дикого зверя, строили засады, но ничего не помогло. Хитрости противопоставлял он хитрость; открытая схватка была не по силам робким туземцам. Размах вражеского топора был ему нипочем; удары копий отражал он своею палицей, а стрелы отскакивали от косматой груди его. Вдобавок Яг-морт слыл в народе великим волшебником: в воде не тонул и в огне не горел. Падеж скота, бездождие, безведрие и, вообще, все физические бедствия, и даже некоторые явления природы: помрачение светил, борьбу стихий, чудь приписывала волхвованиям его же.

Раз у одного из чудских старшин внезапно исчезла единственная дочь – прекрасная Райда, краса всей чуди. Родные и жених ее выходили все окрестные селения, но не могли отыскать ее, – кликнули клич, созвали народ на совещание. Все единогласно утвердили, что – весеннему цвету Райды нельзя так рано увянуть, что если она утерялась, так это непременно должно быть делом рук злого Яг-морта; он позавидовал цветущей красе Райды; он похитил ее и увлек в свою звериную берлогу.

– Горе нам, – промолвили старики, – нет суда на Яг-морта! Мы ничего не можем против могучего чародея! Райда погибла!

Но таким решением не удовольствовались молодой жених Райды и соискатели ее руки. Они снова кликнули клич, собрали несколько десятков самых удалых молодцов и решили: во что бы то ни стало отыскать жилище Яг-морта, схватить его живого или мертвого, погубить, сжечь окаянного чародея, хотя бы самим погибнуть! Ратники, вооруженные стрелами, копьями, топорами, *копоригами* (род копача), вилами, отправились против злодея. Потеряв несколько суток в тщетных поисках Яг-морта, они пошли на хитрость; засели в густом лесу, на угорье реки Ижмы, близ тропинки, по которой обыкновенно проходил разбойник. Дождались: видят – Яг-морт переходит вброд реку Ижму, прямо против того места, где они притаились, и, кажется, прямо идет на них. Чудинцы поневоле должны были сделаться храбрыми: окружили разбойника со всех сторон, и завязалась ожесточенная битва. Яг-морт долго, с яростью отбивался от многочисленной толпы озлобленных противников; палица его разражалась смертью над головами чудинцев, огромный топор его упился их кровью. Он многих положил на месте, но наконец сам изнемог: усталость, раны обессилили его, он пал на землю, обагренную кровью своих победителей. Торжествующие чудинцы схватили Яг-морта, отсекли ему руки, но оста-

вили живого, грозили отрубить голову, если он не откроет им своего жилища, и обессиленный великан-волшебник должен был покориться воле своих победителей; он повел их далее в самую чащу леса, где в высоком берегу реки Кучи выкопана была огромная пещера, служившая убежищем Яг-морта. Близ пещеры, на большой груде разного хлама и костей, лежал полуистлевший труп человеческий. Это были обезображенные останки прекрасной некогда Райды, погибшей жертвой лютого разбойника.

В глубине пещеры чудинцы нашли множество разной добычи, сложили все в кучу и сожгли, а страшный притон Яг-морта засыпали землей, забросали каменьями, заклали бревнами; потом привели обратно своего пленника на то место, где он попался им в первый раз, – отрубили ему голову, в спину забили осиновый кол, чтобы он не ожил, труп его закопали в землю в том самом месте, где ныне находится холмик, слывущий в народе могилою Яг-морта. По другому же сказанию, Яг-морта сожгли живого, и пепел его зарыли в землю.

Чудь в землю ушла

Чудь в землю ушла, под землей пропала, живьем закопалась. Сделала она это, по одним, оттого, что испугалась Ермака, по другим, оттого, что увидела белую березу, внезапно появившуюся и означавшую владычество *белого* царя.

* * *

Дева – правительница чуди

На городище Дивьей горы жила дева, управлявшая чудским народом и отличавшаяся умом и миролюбием. В хорошие дни она выходила на вершину горы и сучила шелк. Когда же веретено опрастывалось, то она бросала его на Бобыльский камень, лежащий на противоположном берегу Колвы, прямо против Дивьей горы.

(И. Кривощеков)

Сокровища погибшей чуди

Чудские жители, видя неизбежную гибель от разбойников, собирались в одно место, вырывали громадную четырехугольную яму, куда сносили все свои сокровища, а над ямою устраивали род хаты, на столбах.

В ожидании мучителей собирались на верху хаты и ожидали своей участи. А завидев разбойников, проворно подсекали столбы внизу и, падая с хатою на свои сокровища, погибали при каких-то приговорах.

После такой их гибели сокровища не отыскивались.

(«Живая старина»)

Береза

Некоторые из древних чудских народов обитали в таких местах, где было очень мало лесов, а берез в них и вовсе не находилось. Наконец, увидели они не только в степях, но и вблизи своих жилищ возрастающие березки. Дерево, покрытое белой корою, привело чудь в несказанный ужас. Волхвы рассказывали, что это предвещает завоевание их земли белым царем, потому что *белое* дерево переселилось к ним из его владений.

(А. Бурцев)

О дивьих людях

Дивьи люди живут в Уральских горах, выходы в мир имеют через пещеры. В заводе Каслях, по Луньевской железнодорожной ветке, они выходят из гор и ходят между людьми, но люди их не видят. Культура у них величайшая, и свет у них в горах не хуже солнца. Дивьи люди небольшого роста, очень красивы и с приятным голосом, но слышать их могут только избранные. Они предвещают людям разные события. Рассказывают, что в селах Белослудском, Зайковском и Строгановке в полночь слышится звон; слышали его только люди хорошей жизни, с чистой совестью. Такие люди слышат звон и идут на площадь к церкви. Приходит старик из дивьих людей и рассказывает о событиях и предсказывает, что будет. Если приходит на площадь недостойный человек, он ничего не видит и не слышит.

(Н. Ончуков)

Предания о панах

(Из собрания Н. Ончукова)

Про панов

Когда Гришка Отрепьев воцарился, то Марина приказала ему звать в Москву поляков. Открыто им въезжать в город было нельзя, и поляков стали возить в бочках, по три-четыре человека в бочке. Много ли, мало ли навозили, но один раз везли на санях бочки с поляками по Москве, а навстречу шел дьячок к заутрене благовестить. Увидел бочки и спросил: «Что везете?» – «Мариново придано». Дьячок ударил посохом по бочке, поляки и заговорили.

Дьячок побежал на колокольню и стал звонить в набат. Кинулся народ, и поляков перебили. Те поляки, что были привезены раньше, испугались и убежали из Москвы. Бежали куда глаза глядят, часть добежала до Выгозера, поселилась на одном острове, и устроила городок, и стала грабить народ.

Койка и паны

На Деревенском наволоке жил <…> один житель – Койка. Паны-разбойники с Койкой ознакомились, к нему въезжали и Койку пока не трогали. Но полякам не нравилась жена Койки, злая и зубатая старуха. Вот они и собрались убить ее. Койка как-то ушел в лес, паны понаехали, а старуха догадалась, забилась под корыто и лежит. Паны искали-искали, не могли найти и говорят между собой: «Куда к черту девалась эта зубатая старуха!..» Старуха под корытом и не вытерпела: «Да, я словцо против слова ответить знаю». Паны вытащили старуху из-под корыта и убили.

Раззадорились, пошли искать и Койку; поймали и его хотели убить. Койка и говорит: «Что вам меня убивать, у меня ведь денег нету, я лучше вас отвезу к Надвоицам. Там богато живет Ругмак, у него денег много». Паны согласились. Койка посадил их в лодку и повез. Когда стали подъезжать к Надвоицам, Койка панам и говорит: «Смотрите, там много народу, надо подъехать скрытно. Я заверну вас в парус и скажу, что везу на мельницу хлеб». Паны согласились, Койка завертел их в парус и положил на дно лодки. Когда подъезжали к падуну, на Выгреке, Койка выскочил из лодки на камень, лодку подтолкнул в падун и закричал: «Ну, теперь вставайте!» Паны вскочили и увидели, что перед ними падун; остановить лодку не могли, все в падуне потонули.

Койка знал, что на одном острове у панов деньги в котле закопаны, съездил на остров, выкопал котелок, а с Деревенского наволока переехал на то место, где теперь погост. Койкиницы от него и пошли.

Панское озеро

В смутное время паны, убежав из Москвы, пришли и в нынешний Лодейнопольский уезд. Однажды один крестьянин пошел на охоту и увидел, что навстречу ему идут больше тысячи вооруженных людей, а за ними тянется обоз. Мужичок, чтобы спасти своих однодеревенцев, решил пожертвовать жизнью и пошел им навстречу. Паны схватили его и начали пытать и спрашивать о местных богачах. Мужичок обещал указать богатство своих соседей, паны поверили, и крестьянин повел панов, отводя их от родного села все дальше и дальше. Настала ночь, и мужичок пришел на какую-то равнину. Панам показалась тут деревня, они и бросились туда. Только что паны отбежали от мужика, и вдруг он видит, что на равнине панов нет, а перед ним круглое озеро, которое и теперь называется в народе *Панское*. Мужик, подивившись, хотел было поживиться с панских повозок, но только приблизился к ним – они и провалились, и образовался теперешний *Панской ручей.*

Паны-утопленники

Шайка панов зашла в Мегру и требовала выкупа. Крестьяне придумали, чтобы отделаться навсегда от непрошеных надоедливых гостей, следующее. На озере, в семи верстах от села, они послали несколько человек *опешить* озеро, т. е. подрубить лед пешнями. А старики пришли к панам и говорят: «Мы, пожалуй, покажем вам свои богатства, так и быть». Паны обрадовались, и на другой день старики повели панов к озеру, указали на середину его и сказали: «Вот там наши богатства». Паны поверили и бросились на лед, и только достигли середины озера, лед подломился, все они и потонули. В Меграх до сих пор уверяют, что, если подойти близко к воде, из этого озера слышатся стоны утопленников, умоляющих вытащить их из воды. В дни поминовения усопших паны особенно жалобно стонут и молятся настойчиво, а если в эти дни очень близко подойти к озеру, то растеряешь свое платье и никак не выйдешь из озера до следующего дня.

* * *

В Колоденском приходе сообщают, что крестьяне одного отставшего пана поймали, приволокли на гумно и давай бить цепами, приговаривая:

– Лежи, пане; лягало-то (у цепа) оторвется, так убежим.

В Старо-Никольском приходе поляки проходили в летнее время, когда крестьяне были на сенокосах, а дома оставались одни дети. Теперь летом, когда взрослые уходят на работы и возвращаются только вечером, маленькие ребята с нетерпением ожидают их домой и под вечер кричат:

– Тятька да мамка, идите домой: были паны, да повыехали.

На берегу реки Шексны, близ села Ольхова, жили и разбойничали паны. В одном месте река Шексна, изменяя русло, отмывает берег; с отпавшей землей выходят громадной толщины дубовые деревья, находясь приблизительно около трех аршин от поверхности земли. Это будто бы остатки жилищ панов. Из этих дубов, отличающихся твердостью древесины, крестьяне делают лопатки для точения кос.

(М. Герасимов)

Жили два пана

Жили два пана: один – на Горском острове, за две версты на север от нынешнего села Горки, на Шинковом наволоке, или Шинковщине, а другой – в расстоянии версты от Шинкова наволока, к юго-востоку, на острове Коневце, на Агафон-наволоке.

У каждого пана был свой дом, обнесенный тыном с железными или медными воротами.

Вечерами, когда один пан ложился спать и у него запирались ворота, скрип ворот доносился до жилища другого папа; тогда этот пан запирал ворота и уходил на покой.

Когда паны покинули Горскую местность, ворота будто бы были брошены в озеро.

Горские рыболовы, таща свой невод около Шинкова наволока, часто смеются:

– Как бы, ребята, не задеть за ворота.

(ОГВ. 1894. № 61)

Панская сестра

На месте сосны (у деревни Ананьево) была похоронена панская сестра, и из косы ее выросла сосна; пробовали ее рубить, да не смогли.

Под этой сосной устраиваются гулянки на Петров день.

(Н. Харузин)

* * *

Я слыхал, как будто эти паны под часовней в деревне Ананиной похоронены. И тут старичок жил, их боялся.

(АКФ. 8. № 33)

Вот на котором месте у Ананиной часовни здесь будто паны похоронены. Был у Ананиной Латинов Алексей, так он их боялся. Как затемнеет, так он говорит:

– Проводите меня, я панов боюсь.

А был Иван Осипович, родственник, тоже боялся. И получалось у них: «Ты меня проводи, я панов боюсь, а потом я тебя провожу». Так и ходят провожать друг друга.

(АКФ. 8. № 60)

Панщина

(Из собрания И. Франко)

Как Каньовский учил людей через ворота ездить

Велел раз пан Каньовский поставить среди пустого поля ворота, а около них – несколько гайдуков с плетьми. Вот они и следят: кто едет полем напрямик и думает: «Мне, мол, какое дело, что стоят там какие-то ворота, где нет дороги». И как закричат гайдуки:

– Сто-ой!

Бедняга останавливается, видит, что это гайдуки помещичьи. А те враз к нему.

– Ах ты, такой-сякой, куда едешь? Разве не видишь, что тут наш ясновельможный пан ворота поставил? Ты как думаешь, зачем он это сделал? Зачем средства на это тратил? А затем, чтобы такие вот дураки, как ты, не ездили бы куда попало, а чтобы ехали через ворота, как полагается!

И стаскивают раба божьего с воза, раскладывают его среди поля, отсчитывают ему двадцать пять плетей да еще приговаривают:

– Это, чтобы ты знал, как за воротами ездить.

Панская чуприна

– Мужик, побойся Бога, спаси меня! – кричал, утопая, злой пан.

Увидел его мужик с того берега, пораздумал и говорит:

– Как же я вас, пан, спасать буду, ежели вас за волосья тащить надо, а вы ведь наш пан?

– Тащи, как хочешь, лишь бы от смерти спастись.

Мужик думает, думает, а тут сбежалось много народу, говорят:

– Да разве можно пана за чупрын хватать? Что ж он за пан будет, ежели его мужик станет за чупрыну таскать!

– Эге ж, – отозвался кто-то, – это не годится, чупрына панская не для того; это, пожалуй, только мужицкая чупрына, чтоб таскали ее паны, как хотят и куда хотят!

Так люди думали, гадали да на берегу разговоры вели, что делать. А пан все кричал:

– Кто в Бога верует, спасайте! – Кричал, да так и утонул.

Курганы

Курган Сторожевой

В старину бывали набеги.

Во время жатвы или другой работы стоит обычно казак с вехой на Сторожевом кургане и смотрит вокруг, потому что с него все видно. А как увидит, что идет орда, бросает веху на землю и бегом в Кодацкую крепость.

Люди в степи все поглядывают на веху. Как только увидят, что вехи нет – тоже бегут прятаться в крепость. Веху ту далеко было видно, потому что и веха высокая, и курган высокий.

(Из свода М. Драгоманова)

Медведь-курган

Старые люди рассказывают, что появились на этом кургане деньги. Но только начнут люди ночью копать, как тут же появляется медведь, становится на задние лапы, идет на людей и ревет. Понятное дело, явная смерть страшна, вот люди и убегают.

Поэтому и назван он *Медведь-курганом.*

(Из свода М. Драгоманова)

Настин курган

На этом кургане жила девка Настя. Держала она при себе целую ватагу казаков, но никто не знал, что она – девка. Говорят, у нее были маленькие усики, вот и принимали ее за своего брата – и несколько лет сходила она за казака. И лишь когда умерла, только тогда и узнали, что она – девка.

(Д. Эварницкий)

Курганы Близнецы

Откуда взялись здесь (в Екатеринославской губ.) курганы Близнецы? Давно это было: может, сто лет назад, а может, и больше. Жил здесь какой-то большой пан-воевода. И была у него молодая, очень красивая жена, которую он необычайно любил и берег как зеницу ока. Она отвечала своему мужу тем же. Но злые, завистливые бабы не могли этого стерпеть: подослали они к пану колдунью, и та колдунья нашептала в уши пану, будто жена его тайком встречается с другим молодцем, от которого и родятся скоро двойнята. Так оно и случилось: в самом деле, родила вскоре пани близнецов. Тогда воевода приказал их убить, отвезти в степь и там похоронить. Детей убили, отвезли в степь, похоронили одного рядом с другим и над каждым насыпали отдельный курган. Вот откуда появились Близнецы-курганы.

(Д. Эварницкий)

Горы, ущелья, камни

Ижгоры и Мяньгоры

В Толвуе и Кижах, заонежских селениях, есть ущелья, называемые *Ижгоры* и *Мяньгоры*. На этих горах некогда витали две сестры, то и дело делали, что блины пекли и с горы на гору перекидывали.

(Е. Барсов)

Хижгора

С Хижгоры видно Мяньгору. В Мяньгоре и Хижгоре жили хозяева. И одну сковородку перекидывали с горы на гору. На этой сковородке пекли блины те и другие.

(АКФ. 135. № 56–57)

Шли по Онежскому озеру корабли, и Петр I утром встал, вышел на палубу. Видит: гора, и говорит капитану:

– Вишь, гора!..

А ему послышалось по-другому, и так стали говорить: Хижгора. И пошло в народе, что там Хижгора, и назвали ее так – *Хижгорой*.

(АКФ. 135. № 52)

Чудесная страна

…Много веков назад новгородцы, плававшие по Студеному морю, видели на берегу чудесную богатую страну, но из-за непогоды не могли приблизиться к ней. Им слышалось, что люди неведомого племени стучат в горы, отделяющие их от мира, но не могут пробить эту преграду и дарят каждому, кто поможет им сделать лишнюю брешь, драгоценные меха, жемчуг и рыбу.

Новгородцы уплыли в глубь веков, скалы остались непробитыми…

(Н. Колпакова)

Драгоценный батожок

В прежние годы много было в наших местах и золота и серебра, да теперь-то уже не знают, где они лежат и попрятаны.

Шла раз по губе, мимо наволока, лодка с народом, а по берегу навстречу ей старичок идет, на киёк-то так и гнется от тяготы – очень уж старик тяжел и грузен.

– Возьмите меня к себе в лодку, люди добрые люди, – просит старик.

А ему в ответ из лодки:

– Нам и так трудно справляться, а тут тебя еще, старого, взять с собою.

– Понудитесь малость, возьмите меня в лодку, – большую корысть наживете! – опять взмолился старик, а рыбаки его все не берут.

Но рыбаки снова отказали ему.

Долго просил старик взять его в лодку, так и не допросился.

– Ну, хоть батожок мой возьмите – очень уж он тяжел, не по мне.

– Станем мы из-за твоего батога дрянного к берегу приставать, – отвечали с лодки.

Бросил тут старик батожок свой, он и рассыпался весь на арапчики-голландчики, а сам старик ушел в щелье от грузности, и щелье за ним затворилось. Ахнули тут лодочники, да поздно за ум схватились.

(В. Майнов)

Бес и Бесиха

На восточном берегу Онежского озера, верстах в двадцати к югу от реки Водлы, или, по местному названию, Шалы, находится небольшое селение *Бесовец*. Земляные владения бесовлян, прилегая одной стороной к Онежскому озеру, с другой обтекаются впадающею в то же озеро речкою Черною и имеют вид терассы, вершину которой занимает селение, тогда как скаты идут к озеру и речке. Берег озера недалеко от селения изгибается в правильный полукруг и образует пространную и красивую бухту, на оконечностях которой лежат два гранитных мыса, носящие, по изображениям на них, иссеченным неизвестною рукою и в неизвестное время, названия *Беса* и *Бесихи*…

Народное предание о мысах передает весьма незатейливую историю. *Бес* и *Бесиха*, нежные супруги, жили на берегу своим хозяйством; вдруг почему-то Бес задумал перенести дом свой подальше и, свив веревку, потащил мыс в озеро; но, вероятно, это превышало его силы: он успел оторвать только один угол, который с ним вместе и упал в воду. Поводом к такому пояснению послужила, конечно, огромная глыба гранита, выходящая на поверхность вод, на расстоянии нескольких десятков саженей от первого мыса.

(ОГВ. 1858. № 37)

Девичья гора

В нескольких верстах от города Пудожа крутой курган над рекою Водлою поныне носит название *Девичьей горы*. В старину бродили здесь паны, или литва, и недавно еще, говорят, находили серебряные копеечки, принадлежащие панам, которые были очень богатые. Одна девушка (крестьянка ли или принадлежавшая этим панам) по какому-то случаю бросилась с крутого берега и погибла в волнах Водлы. Вот почему курган этот называется Девичьей горою.

(ОГВ. 1841. № 41)

Шведский камень

В деревне Поросозеро был когда-то крестьянин бойкий и сильный, – главный из его потомков и ныне называется *королем*. Он много раз бил шведов. Однажды толпа из двенадцати человек явилась в Поросозеро отыскивать крестьянина-силача, который, не теряя присутствия духа, сам явился перед толпою и говорит: «Я знаю и укажу вам его; вы поезжайте на лодке, я же пойду по берегу пешком; когда схвачу его, то и позову вас». Крестьянин отправился по берегу к известной ему крутой скале, где глубина воды достигала трех саженей. Здесь он остановился и кликнул шведов, ехавших в лодке; но лишь только они причалили к берегу, наш мужик схватил лодку за нос и опрокинул ее; некоторые из шведов тотчас утонули, других он послал ко дну ударами аншпуга. С того времени скала эта называется *Шведским камнем.*

(ОГВ. 1863. № 40)

Немецкая щелья

Мальчишкой я был – бабушка пугала:

– Вон из скалы торчит камень, будто сапог, немцы там придавлены! Немецкий сапог виден!

Это было давно, лет триста прошло. Ходили в то время в Поморье шведы, немцами их еще называли. Пришли они как-то летом – Кемский острог сожгли, Вирму взяли, а Сумский Посад и не поддайся.

Ну, немцы Вирму разграбили, церковь была (старше нонешней, хорошая тоже церковь, в роще стояла, столбы витые в трапезной!), ее разграбили и сожгли дотла, а роща до сей поры есть.

Ушли шведы по зимней дороге, стали в лесу делить награбленное… Пили, ели, отдыхали. Да вдруг на них щелья и упади с неба – сразу всех и накрыла. Только одна нога в сапоге торчать осталась, да и та закаменела.

(АКФ. 125. № 103)

Немчи окаменели

Там вон за Кильяками-то, в Кузовах, есть луда такая, варака, а зовут ту вараку *Немецкой*. Так тут, вишь, немчи кашу варили, и, стало быть, шли они на Соловки, чтобы монастырь ограбить. Варят это, значит, немчи кашу, да и похваляются: кто, выходит, больше ограбил, у кого денег больше. Один этак влез на вараку-то, увидал монастырь вдали, что картину писаную, да и пригрозил. Завидно, вишь, стало, что хорош больно монастырь-от, да и казны его счесть нельзя. Пригрозил немец: «Завтра, мол, красоты твоей не видать станет, всю по камушку разнесем».

Да, видно, вражьим было это попущением – Божьим-то изволением: немец как сказал слова те свои, так и стал камнем, и товарищи-то все до одного в камни оборотились. Знать их теперь всех по той вараке: в сумерек проедешь – так ровно бы люди: вся почесть гора уставлена понизу. Так, выходит, все немчи и стали камнями!..

(С. Максимов)

Священные камни

В Ильешах, столь известных петербургским православным жителям, тысячами отправляющимся туда на Ильинскую пятницу по Балтийской дороге, <…> возле самой часовни стоит развесистая старая береза, служащая, как священная, предметом благоговейного почитания. В кору ее, на некоторой высоте от земли, врос булыжный камень так глубоко, что теперь едва приметен. По легенде, это – тот самый камень, который был брошен озлобленным дьяволом в убегающую от его соблазнов Пятницу, спасавшуюся на этом дереве. А возле дерева, у самого корня, есть другой камень, который привлекает главное внимание всех богомольцев. Это – тот камень, на который уперлась стопою Пятница, чтобы быстро вскочить на дерево, и оставила тут глубокий след стопы своей. Вода, скопляющаяся здесь, признается народом за слезы праведницы, плачущей о людских прегрешениях. Эта вода врачует от всяких болезней, и преимущественно глазных, точно так же, как и песок и мелкие камушки, рассыпанные на этом святом месте, и как церковный колокол, под который во время благовеста становятся глухие в надежде исцеления…

Подобного рода камни, существующие во множестве, пользуются благоговейным почитанием не только среди православного населения, но и в католическом мире, причем суеверное воображение народа создает целые легенды о происхождении этих камней, окружая их ореолом святости. Так, например, подобного рода камень указывают в Почаевской Успенской лавре. Такой же камень, называемый «стопою», с изображением креста и славянской надписью, в течение не одного столетия усердно лобызают поклонники в местечке Лукомле (Могилевской губ.). В церковь, сохраняющую изваяние Пятницы, во вторую пятницу после Пасхи собирается до трех тысяч богомольцев из соседних губерний (Могилевской, Витебской и Смоленской) и находящийся здесь камень-стопу, о котором не сохранилось даже легенды, и на котором уже нельзя разобрать стершуюся надпись, почитают не менее самого образа. В Ярославской губернии около часовни, близ села Федоровского, лежит камень с круглыми углублениями, собирающими дождевую воду. Эта вода считается целебной и ежегодно (11 сентября) привлекает массу богомольцев. На месте, где стоит часовня, спал некогда благочестивый человек, которому явилась во сне преп. Федора Александрийская и повелела построить на том месте часовню. Проснувшись, благочестивый человек святой жены уже не видел, но заметил на камне следы ее ног. Также на камне следы ног оставил Зосима Соловецкий, в сорока верстах от села Белое, на Мсте, в Боровичском уезде (Новгородской губ.), отдыхавший здесь на пути в Новгород, куда он шел для исходатайствования у веча владельческой записи на свой пустынный остров (27 сентября сюда ходят к «камню» для поклонения).

(С. Максимов)

Следы на камнях

Рядом с Таржепольской часовней Святого Николая, прямо против входа в нее, под густой елью, лежит камень, на котором ясно виден отпечаток человеческой ступни левой ноги.

Таржеполы любят указывать на этот след и толкуют его как знак особого благоволения пророка Илии к ним, а также и к жителям села Машезера, твердо веря, что след оставлен пророком Илиею, который будто бы когда-то ходил по их местности. «У нас, – говорят они, – пророк Илия ступил левою ногою, а потом, сделав огромный шаг, ступил правою ногою уже в Машезере, от чего и остались следы на камнях; больше же нигде не ступил, так уж было угодно ему – Угоднику Божию!» – не без некоторой гордости прибавляют они…

По преданию, св. пророк Илия совершал путь от Таржеполя в Машезеро один, а по сказаниям машезерским – вместе со святителем и чудотворцем Николаем. Однако в дороге святые путники расстались: св. Николай направил свои стопы в деревню Лососиное, где во имя его и построилась часовня, а пророк Илия достиг Машезера, где ему угодно было иметь монастырь в честь своего имени и оставить след своей правой ступни на одном камне.

(Н. Шайжин)

Один он такой, как странник, был-шел. Думали, он такой старичок какой-то. Вот он сел туда – они испугались: что он будет делать? А он говорит:

– Я здесь буду оприселяться.

– Ты что это строиться будешь, дак поля жалко.

Вот его взяли и прогнали. Говорят: «Уходи».

Вот он пошел, и тут, где родничков наделал, пошел он по деревне.

В деревне лежал камешек. Он на этот камень ступил ногой, след оставил и пошел дальше.

– Вот, – говорит, – живите ни серо ни бело. А я ухожу, найду место.

Шел он, до Реки дошел. Это где волость – Река. Дошел до Реки, свернул в лес. Там такой горбышок нашел, определил – хотел монастырёк поставить. Не понравилось: место сырое.

…Дальше пошел в сторону. И вот идет – о дорогу все роднички. Потом там сделал тоже много родников и там тоже оставил следы – знак, что он был тут.

Вышел на большую дорогу. Эта дорога не зарастает. Вот куда он шел – не зарастает лесом, как на тракторе проехано.

Пошел дальше, дошел до Ошевенска. Там монастырь был построен.

(АКФ. 128. № 25)

Конь-камень

На Ладожском озере, на острове Коневце под Святою горою, лежит большой *Конь-камень* (12 саженей в окружности и 7 аршинов в длину), которому еще в XV веке приносили в жертву коня. В дар духам, которые обитали около этого камня и охраняли скот, перевозимый с берега на остров и оставляемый на тамошних пастбищах в продолжение целого лета без всякого надзора, прибрежные жители ежегодно обрекали по одному коню; конь этот погибал зимою, и суеверные крестьяне были уверены, что его пожирали незримые духи…

В Ефремовском уезде, на берегу Красивой Мечи, близ села Козьего, есть огромный гранитный камень. Крестьяне называют его *Конь-камень* и рассказывают о нем следующее предание: в незапамятную старину явился на берегу Красивой Мечи витязь-великан, в блестящей одежде, на белом коне. В тоскливом раздумье глядел он на реку и потом бросился в воду, а одинокий конь его тут же окаменел. По ночам камень оживает, принимает образ коня, скачет по окрестным полям и громко ржет.

(А. Афанасьев)

Баш и Башиха

В Одоевском уезде (Тульской губ.) находятся два камня *Баш* и *Башиха*, или *Баши*, которых местные жители чествуют около Петрова дня. Баш и Башиха находятся в селе Башеве, в верстах в 25 от Одоева, на возвышенности, недалеко от церкви, близ дороги на пахотном поле. Фигура этих камней обыкновенная, неправильно квадратная и небольших размеров. Между собой они лежат параллельно на расстоянии один от другого не более полтора аршина. Тамошние жители утверждают, что Баш и Башиха были людьми; по мнению одних – муж и жена, других – кум и кума, или *Бог* и *Божиха*. Также почитают Баша за татарского сановника, который с женою крестился, благочестиво умер и погребен на этом месте. Два камня с востока приплыли Окою и Упою и сами пришли лечь на могиле Башей.

О начале превращения их известно только то, что они, как герои своего века, во время войны повздорили между собою и Башиха за непокорность своему Башу получила удар сапогом. От этого удара, говорят, видна была долгое время ступня, а прежде и гвозди каблука.

Есть также на Башихе рубцы, о происхождении которых думают различно. То говорят, что Баш рубил Башиху шашкою, а по другим сказаниям, что будто бы какой-то помещик, из любопытства узнать породу камней, рубил их топором. Следствием этого было, сказывают, бесплодие того поля, на котором стоят камни, ослепление помещика и смерть его после продолжительной болезни. Рассказывают, что от ударов топором этого помещика на камне появились красные пятна.

В Башах, кроме мстительности за обиду, замечают и чудодейственную, благодетельную силу на тех, которые к ним прибегают за помощью, и потому в летнее время, около Петрова дня, народ стекается в село толпами; сначала служат молебен Божией Матери Умиление, а потом ходят кланяться камням, как бы на могилы усопших родственников.

После сего обряда у камней Башей оставляют вещи, деньги, шерсть, холст и прочее, что потом собирает церковный староста, и это пожертвование поступает в церковь.

Рассказывают, что будто бы Баши многим в сновидениях открывают повеление искать их помощи. Так, например, когда в одном доме вымерли все овцы, то хозяйке дома было открыто повеление – поклониться означенным камням, взять из-под них земли; тогда овцы перестанут умирать, что по исполнении предписания оправдалось на деле.

Где берут землю, там образовалась большая яма. По народному убеждению, эта земля еще полезна для размножения скота и от порчи. А осколки от Башей помогают от зубной боли.

Всего вернее предположить, что эти камни – памятники *татарского* времени, смысл которых утрачен.

(М. Забылин)

Камни-богатыри

Сказывают старые люди, что некогда, в стародавнюю старину, сошлись два богатыря; один встал по левую сторону Днепра, а другой – по эту, да и кричат один другому через Днепр; один говорит:

– Уступи мне место, я поселюсь здесь со своим народом!

– Нет, – говорит другой, – я заселю этот край, а ты убирайся отсюда.

Тогда богатырь с правого берега и говорит:

– Коли так, то давай лучше силой померяемся: кто кого одолеет, того и земля будет.

– Давай, – говорит богатырь с левого берега.

Взяли они, отковырнули со скал камни равного весу, стали на горе над Днепром, один с той стороны, а этот с этой, и давай кидать. Как кинул богатырь с левой стороны камень, он и упал у этого берега в воду, недалече от Стрельчей скалы. Тогда с правой стороны богатырь как кинул свой камень, он упал на другую сторону, на сухой берег. Тогда богатырь с левой стороны и кричит:

– Ну, коли так, пойду я дальше, а ты заселяй землю. – И пошел богатырь дальше, а этот поселил свой народ и на этой, и на той стороне. И остался на том камне с левой стороны и до сей поры след; на том самом месте, где богатырь брался руками, – там руки видать, и пальцы, и ладони.

(Из свода М. Драгоманова)

Змеиная скала

Близ острова Таволжанова на Днепре есть скала *Змеиная.* Когда-то на ней жил змей-царь, и была у него дочь-красавица.

Змей был с тремя головами; он оберегал свою дочку, чтобы она, не дай бог, не полюбила какого-нибудь русского царевича. Но не уберег – и красавица поплыла с каким-то витязем вниз по Днепру, к Черному морю.

С тех пор змей стал злющим, и каждый день вылетал куда-нибудь в окрестности за новой жертвой.

(А. Афанасьев-Чужбинский)

Камень Седлач

Недалеко от села Каменка, что выше Кодака, на Днепре есть камень *Седлач*, с которым связана такая легенда.

В стародавние времена ни одна каменская девушка не могла выйти замуж, не доказав сначала своей ловкости и храбрости. Когда подходил возраст замужества, девушка должна была вечером одна сесть в лодку, доплыть до Седлача и переночевать здесь.

Камень тот находился недалеко от порога, и здесь, перед водопадом, уже начиналось сильное течение. Хотя здешние люди с детства привыкают к плаванию в лодке, однако молодой девушке надо было иметь большую отвагу, чтобы исполнить такой обычай.

(А. Афанасьев-Чужбинский)

На горах на Дятловых

(Из собрания П. Мельникова-Печерского)

О начале Нижнего Новгорода

На горах то было, на горах на Дятловых: мордва своему Богу молится, к земле матушке на восток поклоняется… Едет белый царь по Волге-реке, плывет государь по Воложке на камешке. Как возговорит белый царь людям своим: «Ой, вы, гой еси, мои слуги верные, слуги верные, неизменные, вы подите-ка, поглядите-ка на те ли на горы на Дятловы, что там за березник мотается, мотается-шатается, к земле-матушке преклоняется?..» Слуги пошли, поглядели, назад воротились, белому царю поклонились, великому государю такую речь держат: «Не березник то мотается-шатается, мордва в белых балахонах Богу своему молится, к земле-матушке на восток преклоняется». Вопросил своих слуг белый русский царь: «А зачем мордва кругом стоит и с чем она Богу своему молится?» Ответ держат слуги верные: «Стоят у них в кругу бадьи могучие, в руках держит мордва ковши заветные, большие-наибольшие; хлеб да соль на земле лежат; каша, яичница на рычагах висят, вода в чанах кипит, в ней говядину янбед[5] варит». Как возговорит белый русский царь: «Слуги вы мои, пойдите, дары от меня мордве отнесите, так ей на моляне[6] скажите: “Вот вам бочонок серебра, старики, вот вам бочонок злата, молельщики”. На мордовский молян вы прямо ступайте, мордовским старикам серебро, злато отдайте». Верные слуги пошли, царский дар старикам принесли. Старики серебро, злато приняли, сладким суслом царских слуг напоили. Слуги к белому царю приходят, вести про мордву ему доводят: «Угостили нас мордовские старики, напоили суслом сладким, накормили хлебом мягким». А мордовские старики от белого царя казну получившие, после моляна, судили-рядили: что бы белому царю дать, что б великому государю в дар от мордвы послать. Меду, хлеба, соли набрали, в блюда могучие наклали, с молодыми ребятами послали. Молодые ребята, приуставши, сели: мед, хлеб-соль поели, «старики-де не узнают». Земли да желта песку в блюда наклали, пошли и белому царю поднесли. Белый русский царь землю и песок честно принимает, крестится, Бога благословляет: «Слава тебе, Боже, царю, что отдал в мои русские руки мордовскую землю». И поплыл тут белый царь по Волге-реке, поплыл государь по Воложке на камешке, в левой руке держит ведро русской земли, а правой – кидает ту землю по берегу… И где бросит он горсточку, там город ставится, а где бросит щепочку, там селеньице.

[5] Жрец. – *Ред.*

[6] Место моления. – *Ред.*

Дятловы горы

Возник Нижний Новгород на месте большого дремучего леса. Высокие холмы по правому берегу реки Оки, прорезанные глубокими оврагами, назывались *Дятловы горы*. А название, говорят, вот откуда пошло.

Во времена стародавние на том месте проживал мордвин Скворец, друг и помощник Соловья-разбойника, побежденного и связанного Ильей Муромцем. Здесь он женился на восемнадцати женах, и было у Скворца семьдесят сыновей. Все они жили вместе, занимались скотоводством, пасли стада на горах, а по вечерам гоняли их оврагами на водопой к Оке-реке. Тут же, в ущельях горы, обитал чародей Дятел, бывший также некогда в ладах с Соловьем-разбойником.

Вот раз пришел Скворец к Дятлу и спросил его о будущей судьбе своих детей.

И отвечал Дятел:

– Если дети твои будут жить мирно и согласно друг с другом, то долго им владеть здешними местами, а если поссорятся, то будут покорены русскими, которые построят на устье Оки град каменн и крепок зело-зело и не одолеют его силы вражеские…

Долго толковали они. Под конец разговора Дятел просил Скворца о честном ему погребении. Тот обещал.

Время шло. Умер чародей Дятел, и похоронил его Скворец на горе. И прозвалось то место «Дятловы горы».

Умер за ним и Скворец. Перед смертью он завещал детям своим взаимное согласие и единодушие, но потомки их, перессорившись, стали враждовать между собой, и тогда Андрей Боголюбский изгнал их с устья Оки, а племянник его Юрий Всеволодович, построив здесь *Новград Нижний*, исполнил предсказание Дятла.

Коромыслова башня

Три дня стояли по Нижним разбойники-татары; все православные заперлись в кремле и на новую-то стену надеялись, и татар-то боялись, – никто не смел выйти за ворота кремлевские.

Была тогда в городе одна девица-красавица; имени и отечества ее не помнят. Понадобилось ей за водой сходить на Почайну-реку; не хотелось, видно, пить колодезной. Вот взяла она ведра на коромысел, а коромысел тот был железный, два пуда весом. И пошла она, девица, за город на Почайну-реку.

Татары заметили ее возле башни и, кто их знает, в полон ли хотели взять, красоте ли ее позавидовали, только кинулись все на нее опрометью.

Вот она, видя беду неминучую, поставила ведра на землю, помолясь на соборы нижегородские и, взяв коромысел в руки, дожидалась первого татарина. Подходили к ней татары не по одному, не по два, а целыми сотнями: и всех тех татар девица уложила возле башни спать непробудным сном. Уж этих татар она била-била, а все еще их много было.

Одолели наконец они девицу, изрубили ее в мелкие кусочки и похоронили у башни вместе с коромыслом ее. Князья же татарские Сеит, да Булат, да Камелей подумали-погадали – да и решили от Нижнего убраться подобру-поздорову.

– Если бабы в Нижнем такие сильные, – говорили они, – что же нам будет, если ратные люди на нас выступят?

Вот отчего та башня зовется *Коромысловой*: возле нее было это побоище.

Мордовские кости

Верстах в восьми от Нижнего Новгорода, в сторону Арзамасского тракта, между деревней Щербинки (она же Новая), стоящей на самом тракте, и деревней Ляхово в настоящее время пролегает сухой дол – когда-то пойма, теперь пересохшая в этом месте, у бывшего истока речки Рахмы, впадающей в Волгу около села Великий Враг.

На этом месте, по преданию, в 1171 году происходило побоище войск князя Боголюбского Мстислава Андреевича с мордвой. Место этого боя и в настоящее время известно старым жителям Щербинок под названием *Мордовские кости*.

О речке Рахме говорят, что в старые годы она исчислялась от самой деревни Щербинки, протекала мимо деревни Ляхово, и их жители всегда пользовались ее водой. Но между ляховскими крестьянами в ту пору был один знахарь, который, поссорившись со своими односельчанами, в отместку им пошел и заговорил исток Рахмы, после чего она совсем пересохла в этом месте и теперь начинает свое течение лишь ниже села Константинова. Ляховцы очутились у сухого дола без воды, что причинило им большие осложнения в жизни и бедствия.

Для добывания воды стали рыть колодцы, в которых воды было мало, а к тому же деревня часто страдала от пожаров.

Тогда ляховские крестьяне видят: дело плохо. Дознались, чьих рук это дело, и пошли к знахарю на поклон, а хитрый колдун отвечает им: так и так, говорит, жаль мне вас теперь и самому, да ничего не поделаешь, больно заговор силен положил я – на веки вечные, сам снять не могу, и не течь здесь Рахме до второго пришествия; пустить снова Рахму я не властен, а вот что могу сделать: положу заговор великий на вашу деревню, чтобы не горела вовеки.

И действительно, с 1881 года, когда в Ляхове случилось два пожара – один в деревне, другой – в барской усадьбе, старики не помнят, чтобы когда-нибудь горело оно.

Ардатов

Местное предание вот что рассказывает о начале Ардатова. Когда царь Иоанн Васильевич Грозный в 1552 году шел на Казань через эти места, тогда мордвины, жившие на речке Лемети, вызвались быть его проводниками. Три брата, Ардатка, Кужендей и Таторша, провели русские войска через знакомые им леса и после, с милостью царской, возвратились на Леметь. Ардатка поселился на месте Ардатова, а братья его – на месте села Кужендеева (верстах в четырех от города).

С той поры мордва охотно селилась вместе с проводниками царскими, и вскоре на этом месте выросла деревня, ставшая впоследствии дворцовым селом, а с 1779 года – городом нижегородского наместничества.

Арзамас

Предание говорит, что на месте Арзамаса жили два мордовских князя: на горе – *Арза*, а под горою – *Маза*, но когда это было, арзамасцы не припомнят…

При царе Иоанне Васильевиче Грозном в нем была деревянная крепость, устроенная на валу, и особенный воевода (Шетнев). Во время смутных обстоятельств царствования Василия Иоанновича Шуйского Арзамас был разорен мордвою и толпами бродяг, а жители его ушли в Тушинский стан. Вскоре, однако, воевода Пушкин привел город в подданство Василию. Крепость арзамасская сгорела в 1726 году, когда уже Арзамас был провинциальным городом Нижегородской губернии.

На земле татарской

Логово змеиное

Место это, что хорошо известно всем жителям *татарской* земли, с давних пор было змеиным гнездом. Жили здесь, в гнезде, разные змеи, и был среди них один змей, огромный и страшный, с двумя головами: одна голова змеиная, другая – воловья. Одной головой он пожирал людей, и зверей, и скот, а другой – ел траву. А иные змеи разного вида лежали возле него и жили вместе с ним. Из-за свиста змеиного и смрада не могли жить вблизи того места люди, и если кому-либо поблизости от него лежал путь, обходили его стороной или другой дорогой.

Царь татарский Саин много дней смотрел на то место, обходил его, любуясь, и не мог придумать, как бы изгнать змея из его гнезда, чтобы поставить здесь город, большой, крепкий и славный. И нашелся в селе один волхв. «Я, – сказал он, – царь, уморю змея и место очищу».

Царь же был рад и обещал хорошо наградить его, если он это сделает. И собрал чародей волшебством и чародейством своим всех живущих в том месте змей – от малых до великих – вокруг большого змея в одну громадную кучу и провел вокруг них черту, чтобы не вылезла за нее ни одна змея. И бесовским действом всех умертвил. И обложил их со всех сторон сеном, и тростником, и деревом, и сухим лозняком, поливая все это серою и смолою, и поджег их, и спалил огнем. И загорелись все змеи, большие и малые, так что распространился от этого сильный смрад змеиный на всей той земле, предвещая грядущее зло окаянного царя – мерзкую тину его проклятой сарацинской веры. Многие же воины его, находившиеся вблизи того места, от сильного змеиного смрада умерли, и кони, и верблюды его многие пали.

И, очистив таким образом это место, поставил царь Саин там город Казань, что означает: *Котел – золотое дно*. После того царя Саина другие цари-кровопийцы, губители Русской земли, царствовали в Казани многие годы.

(Из «Казанской истории» (XVI в.)

Бесовское городище

В некоем улусе стоял на высоком берегу Камы опустевший городок, который русские называют *бесовским городищем*. В нем обитал бес, с давних пор прельщая людей. Еще при старых болгарах здесь было мольбище языческое. И сходилось сюда много людей со всей Казанской земли: варвары и черемисы[7], мужчины и женщины, жертвоприношения творя бесу и прося совета у живших там волхвов. Таких людей бес как будто исцелял от болезней, всех же, кто пренебрегал им и обходил стороной, не принося ему никакой жертвы, убивал, – у плывших по реке перевертывал лодки и топил всех в реке. Губил он и некоторых христиан.

И никто не смел проехать мимо, не пожертвовав ему чего-нибудь из своего имущества. Тем, кто его спрашивал, он невидимо отвечал через своих жрецов, ибо приезжали к нему жрецы и волхвы. Предсказывал он и долгую жизнь, и смерть, и здоровье, и болезни, и убытки, и земли их завоевание и разорение, и всякую беду. И когда уходили они на войну, то приносили жертвы ему, вопрошая его с помощью волхвов, с добычей или пустыми возвратятся они домой. Бес же все предсказывал им, соблазняя их, а иногда и обманывал.

И послала царица самого казанского *сеита* узнать, московский ли царь и великий князь одолеет Казань, или казанцы одолеют его. И девять дней лежали, припав к земле, бесовские *иереи*, молясь и не поднимаясь со своего места, и ели только для того, чтобы не умереть с голоду. И на десятый день, в полдень, едва отозвался им бес, и услышали все люди, находившиеся в мечети, его голос: «Зачем досаждаете мне, ведь уже нет вам отныне надежды на меня, ни на помощь мою, ибо ухожу от вас в пустынные и непроходимые места, изгнанный Христовой силой, так как приходит он сюда со славою и хочет воцариться в земле этой и просвятить ее святым крещением».

И вскоре повалил густой черный дым из городка, из мечети, и в изумлении увидели все, как вылетел с ним вместе на воздух огненный змей, и полетел на запад, и скрылся из глаз. И поняли все, что случившееся означает: пришел конец их житию.

(Из «Казанской истории» (XVI в.)

[7] *Черемисы* – марийцы. – *Ред.*

Си-Юнь-Бекина башня

Кто погулял по городу по Казани, тот, конечно, знает *Си-Юнь-Бекину башню*. Бедовая эта башенка. Всплыла она было на крови христианской; но вечная память царю-государю Иоанну Васильевичу: он спас слуг христианских своею рукою царскою. Господь поддержал свой венец над ним!

Красивы были в Си-Юнь-Бекиной башеньке окошечки татарские; не косяк вязал их, – клеило солнышко красное. И крепко держалась под теми, под окнами, царица-колдунья Си-Юнь-Бека, лихая чародеица! Ничто вдове той не деялось, ничего с той вдовою не приключалось. Камнем была ее грудь белая, и стрелы христианские ломались о ту белую грудь в крошечки. Лихи были чары царицыны, и гораздил те чары, вместе с царицею, Кощак, любовник царицын, крымский улан, кровопивец, злодей! А молодчина был этот Кощак, каких мало! Своею рукой перерезал он, Кощак, наших воинов. Вот упали пред ним головы князя Лопатина, князя Кашина!..

А светлы были у тех князей сердца христианские!

В каждую полночь народ еще и до сей поры иногда видит Си-Юнь-Беку. Смотрит она из своей башенки в окошечко бледная, худенькая! Пропало на ней все царское; но огонь летает из больших черных глаз ее, и как железо звенят ее белые зубы. С нею же вместе с царицею в иную пору и Кощак появится, вертит он страшным богатырским мечом!..

Прежде еще думали казанцы, что придет время, когда Кощак умягчит гнев *пророческий,* и вот тогда помилует Си-Юнь-Бека пропавших. Башня Си-Юнь-Бекина тогда рассыплется, и взойдет луна над тою башнею вместо солнышка. Уж не время ли это магометанского светопреставления?

(М. Макаров)

Княжна-татарка

Дело было давно, когда *Татарка* воевала, когда город Казань был столицей татарской и город Козьмодемьянск был под ее державой. А наша столица была Кострома, а Нижний был вторым городом.

В то время в Казани царствовала княжна-татарка по имени Аннушка, вроде как у нас царствовала Екатерина.

Аннушка обладала сказочной силой: камни разжимала она своей рукой; если, бывало, на нее бросят камень, то она схватит его на лету, сожмет, и из него вода потечет.

Кроме того, была она и волхунья и умела всякое колдовство делать: ядра в руки хватала, и никакая пуля ее не брала. Если в нее кто стрелял, то она ловила пулю на лету и бросала ее обратно в того, кто в нее стрелял.

– Я бессмертная, – говорила она, – моя смерть находится под камнем, который называется *Казак-камень*; кто меня убьет, стоя на этом камне, тот и сам погибнет, провалится сквозь землю вместе с камнем.

Когда войско царя Ивана Грозного подошло к Казани и начало осаждать город, то Аннушка только издевалась над войском: жопу заголет да и покажет нашему войску, ездя по своей крепости:

– Вот вам моя Казань!

Между тем между русских нашелся один смельчак, который под видом купца пробрался в Казань и узнал то место, где находится Казак-камень.

Подговорив с собою нескольких товарищей, русский купец решился убить княжну-татарку. А чтобы в то же время самому избегнуть смерти, он употребил такую хитрость: своим товарищам он велел накрыть камень полотном и распорядился, чтобы те, как только он выстрелит в Татарку, полотно моментально дернули бы, чтобы ему не провалиться с камнем сквозь землю…

Товарищи исполнили его распоряжение в точности, и он убил Татарку, зарядив ружье медной пуговицей.

Аннушка была убита, и Казань досталась русским.

(Г. Завойко)

Реки

Волга и Кама

Кама с Волгой спорила, не хотела в нее течь. Сначала хотела ее воду отбить и до половины реки отбила, а дальше не смогла. Пустилась Кама на хитрости, уговорилась она с коршуном: «Ты, коршун, крикни, когда я на той стороне буду, чтобы я слышала; а я под Волгу подроюсь и выйду в другом месте». «Ладно», – ответил коршун. Вот Кама начала рыться под Волгу. Рылась, рылась, а тем временем коршуна беркут заприметил и погнался за ним. Тот испугался и закричал – как раз над серединой Волги. Кама думала, что она уж на том берегу, выскочила из-под земли и прямо в Волгу попала.

(Д. Садовников)

Почайна

Есть в Нижнем Новгороде возле крепости маленький ручеек; он течет по оврагам и близ Никольской церкви впадает в Волгу. Зовут его Почайной и говорят, что Юрий Всеволодович, основатель Нижнего Новгорода, назвал так этот ручей, будучи поражен сходством местоположения нижегородского с местоположением киевским. В том месте, где Почайна берет свое начало, есть большой камень, на котором прежде было что-то написано, но теперь уже стерлось.

От этого камня зависит судьба Нижнего Новгорода: в последнее время он сдвинется с места; из-под него выступит вода и потопит весь Нижний.

(П. Мельников-Печерский)

Пьяна, Свияга и Кудьма

По иным местам нашей Руси редко такие реки найдутся, как Пьяна, Свияга и Кудьма. Еще первыми русскими насельниками Пьяной река за то прозвана, что шатается, мотается она во все стороны, ровно хмельная баба и, пройдя верст пятьсот закрутасами да изворотами, подбегает к своему истоку и чуть возле него в Суру выливается. Свияга – та еще лучше куролесит: подошла к Симбирску, версты полторы до Волги остается, – нет, повернула-таки в сторону и пошла с Волгой рядом. Волга на полдень, она на полночь, и верст триста реки друг дружке навстречу текут, а слиться не могут. Кудьма, та совсем к Оке подошла, только бы влиться в нее, так нет, вильнула в сторону да верст за сотню оттуда в Волгу ушла. Не захотелось сестрицей ей быть, а дочерью Волгиной. Так говорят…

(П. Мельников-Печерский)

Волга и Вазуза

О Волге и Вазузе в Тверской губернии рассказывают: «Волга с Вазузой долго спорили, кто из них умнее, сильнее и достойнее большего почета. Спорили-спорили, друг друга переспорили и решились вот на какое дело. “Давай вместе ляжем спать, а кто прежде встанет и скорее придет к морю *Хвалынскому*, та из нас и умнее, и сильнее, и почету достойнее”. Легла Волга спать, легла и Вазуза. Ночью встала Вазуза потихоньку, убежала от Волги, выбрала себе дорогу прямее и ближе и потекла. Проснувшись, Волга пошла не тихо, не скоро, а как следует: в Зубцове догнала Вазузу, да так грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшою сестрою и просила Волгу принять ее к себе на руки и снести в море Хвалынское. И до сих пор Вазуза весною раньше просыпается и будит Волгу от зимнего сна».

(А. Афанасьев)

Свирь

Свирь явилась на свет ночью маленьким зайчиком, побежала на месяц, который тогда стоял над Ильмень-озером. Побежала Свирь и уж далеко пробежала, да, на беду, увидал новорожденную реку волк и пустился догонять ее по левому берегу. У Свири ноги были быстрые; она побежала от него, а сама все берет на полдень; волк все скачет вслед и сбивает с дороги. Много Свирь бежала и, пожалуй, ушла бы в Ильмень-озеро, да на пути повстречался другой волк. Свирь видит, что подходит беда неминучая, бросилась направо и ушла в Новоозеро. Волки постояли, постояли, напились мутной воды и ушли в лес, а Свирь с тех пор и бежит в Новоозеро.

Свирь и Волхов были чужие друг другу и постоянно спорили, кто из них лучше, а решить не могли. Ходили они к судье, да и тот не знал, как их рассудить, а сказал: кто скорее придет к месту, которое он укажет, тот и лучше. Пустились бежать Свирь и Волхов в одно время. Волхов начал рыть землю, да переворачивать камни, и такую вырыл себе дорогу, что и сам удивился. И пришел он Свири тремя часами, тремя минутами раньше. Узнала Свирь, что Волхов переспорил ее, посмотрела, не легче ли ему было в дороге, да как увидела, сколько он нарыл земли, да какие камни с места сдвинул, да и путь-то прошел больше, то и сказала: «Будь ты моим отцом, что велишь, то и сделаю». Волхов в ответ говорит: «Не буду я отцом, а только братом твоим родным». И живут они теперь в согласии.

(А. Бурцев)

Дон и Дунай

Почтение к Дону в русском народе столь же вероятно, сколько и почтение всех вообще славянских племен к рекам Бугу, Дунаю и к некоторым другим. Эти великие реки, равно как и ключи-студенцы в древней религии славянской, неоспоримо принадлежат к чему-то особенно божественному: Дунай есть и в Индии, там есть и страна *Дунайская!*

Дон имеет свою подлинную сказку. Вот она. Известно, что в Тульской губернии есть озеро *Иван*. У этого озера Иван, говорят поселяне, было два сына, один – Шат Иванович, а другой – Дон Иванович. Шат Иванович был почему-то глупый сын, а Дон Иванович, в противоположность Шату, считался умным. Первый из этих двух братьев, т. е. Шат Иванович, т. е. голова неразумная, не спросясь воли родительской, не накопив еще силы под кровлею родимой, вырвался от отца, как бешеный, прошатался весь, на одних только полях родимых, и воротился на те же поля родимые, с которых и вышел: он не нашел доброго ни себе, ни людям. Такова доля и всех детей самовольных!

Напротив того, Дон Иванович, любимый сын за необычайную его тихость, получил добрый привет родительский, смело полетел во все страны дальние; его приняли со славою и готы, и хазары, и славяне, и греки (самые первые христиане на землях русских). Честь да добро послушному сыну! И поныне славен Дон Иванович Тихим Доном Ивановичем! Это величанье в самом деле неотъемлемо от имени Дона: его повторяют наши песни, наши поговорки, наши казаки, всегда гордые своим Тихим Доном.

Дунай не имеет, кажется, такой легенды, какую мы высказали сейчас, о Тихом Доне. Но в русских песнях и к Дунаю еще сохранены величанья, и – величанья, может быть, замечательные? Выпишем здесь одну из таких песенок, с припевом к Дунаю. Вот она:

Ах! Звали молодца,
Позывали удальца
На игрища поиграть,
На святые вечера.
Дунай, мой Дунай,
Селиванович Дунай!

Во пиру он пировал
В беседушке сидел,
На светлых он вечерах
На игрищах поиграл!
Дунай, мой Дунай и проч.

Далее из той же песенки видно, что этот молодец Дунай Селиванович хаживал в *рудо-желтым* камчатном кафтане, носил черную шапочку *мурмашку* (норманку) и был великий мастер играть на гуслях звончатых. На одном игрище ему понравилась вдовушкина дочь, перед нею заиграл он в звончатые гусли, перед нею уронил он свою шапочку мурмашку; девушка подняла ее, и Дунай Селиванович был счастлив!

(М. Макаров)

Днепр и его сестры

Реки прежде были людьми. Днепр был брат, а Волга и Двина – его сестры. Остались они сиротами, натерпелись всякой нужды и придумали наконец пойти по белу свету и разыскать для себя такие места, где бы можно было разлиться большими реками; ходили три года, разыскали места и приостановились все трое ночевать в болотах. Но сестры были хитрее брата; едва брат уснул, они встали потихоньку, заняли самые лучшие отлогие местности и потекли реками. Проснулся поутру брат, смотрит, – далеко его сестры; раздраженный, ударился он о сырую землю и в погоню за ними понесся шумным потоком по рвам и буеракам, и чем дальше бежал, тем больше злился и рыл крутые берега. В нескольких верстах до впадения в море гнев его утих, и он спокойно вступил в морские пучины; а две сестры его, укрываясь от погони, разбежались в разные стороны. Вот отчего Днепр течет быстрее Двины и Волги, вот почему у него много рукавов и порогов.

(А. Афанасьев)

Посланцы Днепра и Десны

Днепр и Десна – это брат и сестра. Как шли они в дорогу, то послали вперед: первый – богатырского коня, а вторая – сизокрылого орла, чтобы показывали путь к морю.

Перед дальней дорогой конь с орлом договорились: кто первый окажется возле морской криницы и напьется воды, тот будет старшим, тот отрубит крылья или переломает крылья опоздавшему.

Посланный Днепром конь мчался, как стрела. Ему не были преградой ни кряжи, ни горы. И он первым оказался возле моря. За ним следом бежал Днепр, и, как слился с морем, широко раздвинул берега, и заревел на порогах.

Орёл же в дороге позарился на гнездо рябчика. Он схватил рябчёнка. Рябчик стал за орлом гнаться и догнал его возле Киева. Между ними начался бой. Орел крикнул, а Десна, что бежала за ним следом, подумала, что обгоняет брата Днепра, и в этом месте слилась с его водами.

А как долетел орёл до моря, то стал просить коня, чтобы помиловал – не рубил крылья. Конь сжалился и сказал:

– Будь же ты меньшим братом!

(Я. Новицкий)

Приношения рекам

Песенные сказания сохранили живое воспоминание о жертвенных приношениях морю и рекам. Как Садко чествовал хлебом-солью Волгу, так Илья Муромец – свою родную Оку. Отправляясь с родины на богатырские подвиги, опустил он на прощание корочку хлеба в Оку – за то, что поила и кормила его. До сих пор простолюдины наши, после счастливого плавания, благодарят реку каким-нибудь приношением.

Стенька Разин принес в дар Волге свою любовницу, пленную персидскую княжну. Распаленный вином, он сидел на краю ладьи и, задумчиво поглядывая на волны, сказал: «Ах ты, Волга-матушка, река великая! Много ты дала мне и злата и серебра и всякого добра, ты меня вскормила и взлелеяла, славою и честию наделила; а я ничем еще тебя не благодарствовал. На ж тебе, возьми!» С этими словами он схватил княжну и бросил в воду…

Если жертвоприношениями снискивалась милость водяных божеств, то, наоборот, непочтение к ним влекло за собой неминучую беду. По свидетельству одной старинной песни, подъехал молодец к реке *Смородине* и взмолился, чтоб указала ему брод. Провестилась река человечьим голосом – душой-красной девицей:

Я скажу те, быстра река, добрый молодец,
Я про броды кониные, про мосточки калиновы,
Перевозы частые:
Со броду кониного я беру по добру коню,
С перевозу частого по седелечку черкесскому,
Со мосточку калинова по удалому молодцу;
А тебя, безвременного молодца, —
Я и так пропущу.

Переправившись через реку, стал молодец глупым разумом похваляться: «Сказали про реку Смородину – не пройти, не проехати чрез нее ни пешему, ни конному; а она-то хуже дождевой лужи!» Пришлось возвращаться доброму молодцу, не нашел он брода кониного – потопила его река Смородина в своих глубоких омутах, а топила – приговаривала: «Безвременный молодец! Не я топлю, топит тебя похвальба твоя!»

(А. Афанасьев)

Наказание Волги

Стала одолевать неверная сила народ христианский, и собрался войной на врагов сам царь Иван Грозный. Повел он за собой рать – силу большую. Надо было переправлять ополчение за реку Волгу. Сперва переехал на тот берег царь с вельможами и стал поджидать переправы воинства.

Посажались солдаты на струги и лодки и отхлынули от берега.

Вдруг Волга начала бурлить, и пошли по ней валы за валом страшные. Лодки мечутся из стороны в сторону, летают, как пух…

Видит Грозный царь с берега, того и гляди, что перетопит все его воинство. И крикнул он громким голосом:

– Не дури, река, присмирей, а то худо будет!

Не унималась Волга, заволновалась пуще прежнего.

– Палача сюда подать, – крикнул царь, – вот я тебя проучу!

Пришел палач, мужчина здоровенный, и велел ему царь сечь реку кнутом, чтобы она не бунтовала против царской рати. Взял кнут палач, засучил рукава красной рубахи, разбежался да как свистнет по Волге, – вдруг кровь из воды на аршин вверх брызнула, и лег на воде кровяной рубец в палец толщиной. Тише пошли волны на реке, а царь кричит:

– Не жалей, валяй крепче!

Разбежался палач дальше прежнего и хватил сильнее, – кровь брызнула еще выше, и рубец лег толще. Волга утишилась. После третьего удара, который палач отвесил изо всей мочи, кровь махнула на три аршина, и рубец оказался пальца в три толщиной, – совсем присмирела тогда Волга.

– Довольно, – сказал Грозный царь, – вот как вас надо проучивать.

После того благополучно переправилось через реку все войско, и ни один солдатик не утонул, хотя много приняли страха. И теперь, говорят, на том месте, где была переправа, видят на Волге три кровяных рубца, особенно летним вечером, если взглянешь против солнца, когда оно закатывается за горы.

(Н. Аристов)

Озера

Ильмень-озеро

Плыл однажды Садко по Волге-реке, посыпал хлеб солью и опустил в воду со словами: «Спасибо тебе, матушка Волга! Гулял я по двенадцать лет, – никакой скорби над собою не видывал. А иду я, молодец, в Новгород побывать». И ответила ему Волга-река: «Поклонись от меня брату моему, славному озеру Ильменю». Приехал Садко на Ильмень-озеро и передал ему поклон от Волги-реки:

А и гой еси, славный Ильмень-озеро!
Сестра тебе, Волга, челобитье посылает.

Приходил от Ильмень-озера удалой добрый молодец и спрашивал: «Как-де ты Волгу-сестру знаешь?» Садко рассказал; молодец дал ему позволение кинуть в озеро три невода, и торговый гость наловил множество рыбы, и белой и красной, и сложил в три погреба; в какой погреб ни заглянет потом, а рыба вся превратилась в деньги – в серебро да в золото. Таков был подарок ему от славного Ильмень-озера.

Есть еще другое предание об этом озере. С западной стороны впадает в него небольшая речка, называемая *Черный ручей*. В давнее время поставил кто-то на Черном ручье мельницу, и взмолилась рыба Черному ручью, прося у него защиты: «Было-де нам и просторно и привольно, а теперь лихой человек отнимает у нас воду». И вот что случилось: один из новгородских обывателей ловил удочкою рыбу на Черном ручье, подходит к нему незнакомец, одетый весь в черное, поздоровался и говорит: «Сослужи мне службу, так я укажу тебе такое место, где рыба кишмя кишит». – «А что за служба?» – «Как будешь ты в Новгороде, встретишь там высокого, плотного мужика в синем кафтане, в широких синих шароварах и высокой синей шапке; скажи-ка ему: дядюшка Ильмень-озеро! Черный ручей тебе челобитье прислал и велел сказать, что на нем мельницу построили. Как ты, мол, прикажешь, так и будет!» Новгородец обещался исполнить просьбу, а черный незнакомец указал ему место, где скопилось рыбы тьма-тьмущая. С богатою добычею возвратился рыболов в Новгород, повстречал мужика в синем кафтане и передал ему челобитье. Отвечал Ильмень: «Снеси мой поклон Черному ручью и скажи ему про мельницу: не бывало этого прежде, да и не будет». Исполнил новгородец и это поручение, и вот разыгрался ночью Черный ручей, разгулялось Ильмень-озеро, поднялась буря, и яростные волны снесли мельницу.

(А. Афанасьев)

Озеро Свитязь

В тридцати верстах от гродненского Новогрудка разлилось небольшое озеро (версты две в диаметре) по имени Свитязь – круглое, с крутыми береговыми скалами, поглотившее город того же имени за грехи жителей, нарушивших общеславянскую заповедь и добродетель гостеприимства (они не принимали путников, и ни один из таковых в их городе не ночевал). Поэт Литвы Мицкевич вызвал из недр этого озера поэтический образ женщины («Свитезянка»), превратившейся, подобно жене Лота, в камень за такое же нарушение обещания не оглядываться назад после выхода из города, обреченного на гибель. Еще в пятидесятых годах прошлого (XVIII) столетия виден был в этом озере камень, издали похожий на женщину с ребенком, но теперь он затоплен водой и рвет у неосторожных рыбаков сети.

(С. Максимов)

Ольховское озеро

В пяти верстах от деревни Пацевичи находится Ольховское озеро. Очень давно на этом месте была деревня. Однажды в виде нищего пришел в деревню сам Бог и стал просить ночлега. Но никто из беззаконных жителей не сжалился над нищим и не пустил его в свой дом. Выйдя за деревню, нищий проклял всех ее жителей, за исключением одного спавшего старика. Как только этот последний проснулся и вышел за околицу, земля с домами стала оседать; в то же время от сильного дождя осевшее место начало наполняться водой. Когда праведный старик оглянулся на деревню, то увидел озеро, на средине которого, как раз в том месте, где приходился его дом, плавал стол с раскрытой на нем книгой, которую читал он перед сном, а закрыть не успел. Спустя сто лет затопленная деревня опять увидела свет божий, и вот каким образом: пастух увидел крест на берегу озера и хотел поднять его, но крест оказался на цепи. Пастух потянул цепь – и на поверхность озера всплыла деревня, радостные жители которой подняли веселый крик. Пастух так испугался, что выпустил цепь из рук, и на его глазах деревня снова ушла в воду еще на сто лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.